

**Карма, энергия и устойчивость:
этико-религиозные аспекты
«зеленой политики»
на примере японской новой религии
*Сэйтё-но Иэ***

А. Г. Шехтер, О. Б. Рамеев

Аннотация

В статье анализируется соотношение между религиозной этикой новой японской религии *Сэйтё-но Иэ* и современными принципами «зеленой повестки», включая концепцию устойчивого развития. Исследование опирается на сопоставление ключевых доктринальных положений *Сэйтё-но Иэ* с нормативной рамкой экологической политики Японии, в частности – с реализацией Целей устойчивого развития (ЦУР), стратегией «Зеленой трансформации» (GX), а также рядом национальных инициатив в области озеленения и декарбонизации. Показано, что движение *Сэйтё-но Иэ* предлагает оригинальную форму экологической этики, встраивая проблематику устойчивости в структуру религиозного мышления и концепцию кармы, а потому не просто резонирует с официальной «зеленой повесткой», но и углубляет ее духовно-нравственное содержание.

Особое внимание уделяется критике индустриального образа жизни, ископаемой энергетики и атомных электростанций. Объекты этой критики в учении *Сэйтё-но Иэ* рассматриваются как формы индивидуальной и коллективной дурной кармы. Эти представления подкреплены понятием, связывающим загрязнение природы с духовной деградацией, которое основывается на божественном откровении основателя религии Танигути Масахару под названием «Божественное откровение о зажигателях семи светильников». Там можно отыскать фразу «Благодарите мириады вещей неба и земли!», которая и стала доктринальным обоснованием поддержки инициативы по сохранению окружающей среды.

В статье подробно рассмотрены духовные практики, архитектурные инициативы («Офис в лесу») и продвижение вегетарианства как этической и экологической нормы, вносящие вклад в формирование особой экологической религиозности. Подчеркивается, что концепция межпоколенческой справедливости в учении Танигуты Масанобу получает особую религиозную глубину благодаря доктрине перерождений, согласно которой человек, причиняющий вред окружающей среде, потенциально обрекает на страдание самого себя в будущей жизни.

На материале полевого исследования и текстов вероучения показано, что *Сэйтё:-но Иэ* может быть интерпретирована как форма глубинного экологизма в духе Э. Добсона, в которой ценность природы и необходимость ее охраны имеют не утилитарное, а онтологическое и этическое основание. Статья делает вклад в осмысление роли религии в расширении горизонтов экологического мышления.

Ключевые слова: устойчивое развитие, «зеленая политика», *Сэйтё:-но Иэ*, религия и экология, карма, Япония, новые религиозные движения, энергетическая этика.

Авторы

Шехтер Александр Геннадьевич, младший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 12

E-mail: Jaller23rus@gmail.com

ORCID: 0009-0008-4934-0483

Рамеев Оскар Батуевич, младший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, 117418, Нахимовский проспект, д. 51/21.

E-mail: mr.rameev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4623-6508

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Karma, Energy, and Sustainability: Ethical and Religious Aspects of Green Politics in the Japanese New Religion of *Seichō-no Ie*

A. G. Shechter, O. B. Rameev

Abstract

The article analyses relations between the religious ethics of the new Japanese religion *Seichō-no Ie* and contemporary principles of the Green Agenda, including the concept of sustainable development. The study is based on a comparison of key doctrinal statements of *Seichō-no Ie* with the normative framework of Japan's environmental policy, in particular the implementation of the Sustainable Development Goals (SDGs), the Green Transformation (GX) strategy, and a number of national greening and decarbonization initiatives. It is shown that the *Seichō-no Ie* movement offers an original form of environmental ethics, embedding sustainability in the structure of religious thinking and the concept of karma, and, therefore, not only resonates with the official "green agenda," but also deepens its spiritual and moral content.

Particular attention is paid to the criticism of industrial lifestyles, fossil energy, and nuclear power plants, which, in the teachings of *Seichō-no Ie*, are seen as a form of bad individual and collective karma. These views are underpinned by a notion linking the pollution of nature to spiritual degradation. It is based on a divine revelation by the founder of the religion, Taniguchi Masaharu, entitled "Divine Messages on the Lighter of the Seven Golden Candlesticks." There, one can find the phrase "Be grateful to everything in the Universe!," which has become the doctrinal rationale for supporting the environmental cause.

The article elaborates on spiritual practices, architectural initiatives ("Office in the Forest"), and the promotion of vegetarianism as an ethical and environmental norm, which contribute to the formation of a specific environmental religiosity. It is emphasized that the concept of intergenerational justice in the teachings of Taniguchi Masanobu is given a special religious depth by the doctrine of rebirths, according to which a person who harms the environment potentially condemns themselves to suffering in a future life.

On the basis of field research and texts of the doctrine, it is shown that *Seichō-no Ie* can be interpreted as a form of deep environmentalism, in regards with E. Dobson's green theory, in which the value of nature and the need to protect it have not utilitarian but ontological and ethical grounds. The article contributes to the understanding of the role of religion in expanding the horizons of environmental thought.

Keywords: sustainable development, environmental policy, *Seichō-no Ie*, religion and ecology, karma, Japan, new religious movements, energy ethics.

Authors

Shechter Alexander G., Junior Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS

12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031.

E-mail: Jaller23rus@gmail.com

ORCID: 0009-0008-4934-0483

Rameev Oskar B., Junior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS

51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, 117418.

E-mail: mr.rameev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4623-6508

Conflict of interests

The authors declare the absence of the conflict of interests.

Введение

«Зеленая политика» как сфера политико-идеологического дискурса формировалась под воздействием комплексных социально-экономических и философских процессов, начавшихся приблизительно с эпохи индустриализации. Представляется, что основания экологической повестки были заложены в рамках реакции на стремительное преобразование традиционного уклада жизни, сопровождавшее промышленную революцию. В этот период формируется критический отклик на индустриализацию и деградацию природного ландшафта: представители философии романтизма, в особенности англоязычной традиции, У. Вордсворт, Г. Торо и Дж. Рёскин, утверждали ценность природы как самостоятельной сферы бытия, противопоставляя ее нарастающему чувству отчужденности «нового» индустриального общества [Dobson 2007, p. 21]. Эти идеи заложили культурно-философский фундамент для последующего развития экологической проблематики.

Тем не менее вплоть до середины XX в. экологические вопросы оставались преимущественно на периферии политического дискурса. Усиление внимания к ним стало возможным лишь в результате

накопления эмпирических свидетельств пагубного влияния индустриализации. Так, важным этапом институционализации экологической проблематики стала публикация в 1962 г. книги Рейчел Карсон «Безмолвная весна», которая вызвала общественный резонанс и поставила под сомнение легитимность индустриального агропромышленного комплекса [Карсон 1965]. В ряде стран, включая Японию, экологические катастрофы способствовали формированию нормативных механизмов регулирования и политизации вопросов охраны окружающей среды [Kasahara 2009].

Концептуализация и институциональное оформление «зеленой повестки» происходит уже в третьей четверти XX в., вместе с публикацией доклада «Пределы роста» в 1972 г. На основе математического моделирования исследователи показали риски, к которым может привести рост промышленности, экономики и населения [Meadows et al. 1972, p. 124]. С этих пор «зеленая политика» перестает быть исключительно морально-философским нарративом и начинает претендовать на роль полноценного компонента политической парадигмы. Становление соответствующих государственных и международных институтов, а также развитие правового регулирования в области охраны окружающей среды ознаменовали переход к фазе политической институционализации «зеленой повестки».

Значительный вклад в формирование содержательной базы «зеленой политики» внесла концепция «этики земли» Леопольда Олдо, содержащая тезис о моральной ответственности человека за состояние экосистем [Олдо 1983, с. 112]. Также в теоретико-идеологическом плане важное место принадлежит работе Эндрю Добсона, который предлагает различать два направления в экологической проблематике: «энвайронментализм», направленный на минимизацию вреда в рамках существующей системы, и «экологизм», предполагающий радикальную трансформацию отношений между человеком, обществом и природой. Добсон подчеркивает, что устойчивый общественный порядок невозможен без критического пересмотра базовых категорий современной политической экономики, включая модели производства, потребления и роста [Dobson 2007, p. 256].

Эволюция «зеленой политики» представляет собой постепенный переход от культурно-философской реакции на индустриальную перестройку общества к оформленному направлению политической мысли и государственной деятельности. При этом на протяжении

всего этого перехода сохраняется напряженность между двумя концептуальными полюсами – антропоцентрическим и экоцентрическим. Первый трактует природу как ресурс, подчиненный целям человека и государства, второй настаивает на признании ценности природной среды и необходимости согласования общественного развития с экологическими ограничениями.

Религиозные учения также выстраивают собственное понимание отношений между человеком и природой, занимая ту или иную позицию в рамках этих полюсов. К примеру, как активную поддержку (группы в рамках пресвитерианства, а также «прогрессивных церквей»), так и противодействие (в основном группы внутри консервативных евангеликов и харизматов) идеям зеленой политики можно обнаружить у различных протестантских деноминаций в США. Обоснование их позиций может иметь разные корни – богословие может переплетаться с их ориентацией на левые или правые политические движения и определять их отношение к устойчивому развитию.

Устойчивое развитие в Японии

Рассмотрим особенности японского подхода к реализации «зеленой политики» и устойчивого развития. Уже к началу 1970-х гг. в Японии сформировалась правовая база: на фоне тяжелых индустриальных загрязнений и резонансных инцидентов (вспомним Минамату – один из самых известных экологических кризисов в Японии, когда в результате промышленного сброса ртути в прибрежные воды тысячи людей пострадали от тяжелого отравления) в 1967 г. был принят *Основной закон о борьбе с загрязнением окружающей среды*¹, а в 1971 г. было создано Агентство по охране окружающей среды. Энергетический кризис 1973 г. выявил уязвимость экономики и стимулировал курс на сокращение потребления энергии. Япония резко повысила энергоэффективность экономики в 1970–80-х гг., превратив вынужденные меры в долгосрочную стратегию, снизив зависимость от топлива и смягчив экологические нагрузки. Эти предпосылки подготовили почву для включения экологической (в дальнейшем – и устойчивой) повестки в национальную политику.

¹ 平成5年版環境白書 *Хэйсэй гонэнбан Канкё: хакусё* [Белая книга по окружающей среде]: <https://www.env.go.jp/policy/hakusyo/h05/9198.html>

Начиная с 1990-х гг. Япония активно институционализирует принципы устойчивого развития на государственном уровне. В 1992 г. страна присоединилась к глобальной Повестке XXI на Саммите Земли, а в 1993 г. изменила свою нормативную базу: вместо закона 1967 г. был единогласно принят новый *Основной экологический закон*, который провозгласил стратегический курс на «создание общества устойчивого развития с низкой экологической нагрузкой» и закрепил ответственность всех акторов, от властей до граждан, за охрану окружающей среды². На его основе уже в 1994 г. был разработан первый *Основной план по окружающей среде*, задавший долгосрочные ориентиры экологической политики и призванный вовлечь в эти усилия все секторы общества.

Ключевыми институциональными вехами стали также повышение статуса природоохранного ведомства до уровня министерства (в 2001 г.) и принятие специальных законов в этих областях. В частности, после подписания Рамочной конвенции ООН по климату (РКИК ООН) Япония проявила лидерство на Киотской конференции 1997 г., где был согласован Киотский протокол. В развитие этих обязательств правительство Японии приняло *Закон о продвижении мер против глобального потепления* 1998 г.³, определивший ответственность центральных и местных властей, бизнеса и граждан за сокращение выбросов. На основе этого закона был разработан государственный *План достижения целей Киотского протокола*, призванный обеспечить выполнение количественных обязательств по снижению парниковых газов⁴. Благодаря сочетанию внутренней модернизации и активной внешней экологической дипломатии Япония к началу 2000-х гг. зарекомендовала себя как один из мировых лидеров «зеленого» развития.

После принятия ООН Повестки–2030 японское правительство оперативно интегрировало Цели устойчивого развития (Sustainable Development Goals, SDGs) в национальную стратегию. В мае 2016 г.

² 環境基本法, Канкё: кихон хо: [Основной закон об окружающей среде]: <https://laws.e-gov.go.jp/law/405AC0000000091>

³ 地球温暖化対策の推進に関する法律, Тикю: онданка тайсаку но суйсин никансуру хо:рицу [Закон о продвижении мер против глобального потепления]: <https://laws.e-gov.go.jp/law/410AC0000000117>

⁴ 京都議定書目標達成計画, Кё:то гитэйсё мокухё: тассэй кэйкаку [План по достижению целей Киотского протокола]: <https://www.env.go.jp/content/900447426.pdf>

была учреждена межведомственная Штаб-квартира по продвижению ЦУР во главе с Премьер-министром, в состав которой вошли все министры. Этот орган обеспечил координацию между министерствами и определил единый курс по реализации Повестки–2030. При Штаб-квартире были созданы консультационные круглые столы с участием НПО, бизнеса и академического сообщества, через которые власть привлекала широкий спектр мнений при адаптации ЦУР к национальным реалиям. Результатом этой работы стало утверждение в декабре 2016 г. *Основных принципов реализации ЦУР* – стратегического документа, оформившего видение Японии в сфере устойчивого развития⁵. В *Основных принципах* провозглашена цель стать мировым лидером в реализации интегрированного прогресса устойчивого развития в экономической, социальной и экологической сферах. Именно так ЦУР были официально встроены в парадигму национального развития как один из основных ориентиров государственной политики.

Новейшим же этапом развития «зеленой политики» Японии стала стратегия «Зеленой трансформации» (GX) – комплексный курс на технологическую и экономическую трансформацию в целях декарбонизации. В 2020 г. Япония официально взяла на себя повышенные климатические обязательства: к 2030 г. сократить выбросы парниковых газов на 46% (от уровня 2013 г.) и достичь *углеродной нейтральности* к 2050 г.⁶ Для выполнения этих амбициозных целей был предложен подход GX, означающий, по определению правительства, коренную перестройку всей промышленно-энергетической базы страны с переходом от ископаемого топлива к чистой энергии⁷. Фактически GX подразумевает пересмотр послевоенной индустриальной модели Японии и переориентацию ее на рельсы устойчивого развития. Стратегия носит ярко выраженный технико-экономический характер: она нацелена на стимулирование инноваций, масштабную модернизацию энергосектора и создание новых «зеленых» рынков при одновремен-

⁵ 持続可能な開発目標(SDGs)実施指針, *Дзидзёку канона кайхацу мокухё: (SDGs) дзисси сусин* [Руководство по реализации ЦУР]: <https://www.env.go.jp/content/900529215.pdf>

⁶ エネルギー基本計画, *Энэруги: кихон кэйкаку* [Стратегический энергетический план]: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/pdf/20211022_01.pdf

⁷ GX (グリーントランスフォーメーション)とは GX (*гури:н торансуфо:мэ:сён*) *то ва* [Что такое «зеленая трансформация» GX?]: <https://www.ntt.com/bizon/glossary/e-g/green-transformation.html>

ном обеспечении энергетической безопасности и экономического роста. По задумке, парадигма GX должна не только снизить выбросы, но и дать импульс промышленности – превратить декарбонизацию в двигатель экономического роста и укрепления конкурентоспособности Японии на глобальных рынках.

Для реализации GX выстроена разветвленная государственная программа. Под руководством Премьер-министра в 2022 г. создан Совет по реализации GX, который разработал базовую политику и дорожную карту на ближайшее десятилетие. Согласно этим планам, правительство намерено задействовать комплекс мер: от введения углеродного ценообразования (включая систему торговли квотами на выбросы парниковых газов для предприятий) до масштабных инвестиций в чистую энергетику. Япония планирует в течение 2020-х гг. мобилизовать свыше 150 трлн иен (около 1,1 трлн долл.) «зеленых» инвестиций за счет партнерства государства и бизнеса⁸. Для этого государство пойдет на беспрецедентные финансовые шаги, включая выпуск целевых «облигаций трансформации» на сумму до 20 трлн иен, обеспеченных будущими доходами от углеродного налога. Средства направляются на развитие возобновляемой энергетики, водородных технологий, «зеленого» водорода и аммиака, повышение энергоэффективности, а также на возобновление атомной энергетики как безуглеродного источника. Стратегия GX интегрируется с другими национальными планами – 7-м Стратегическим энергетическим планом, новым Планом мер против глобального потепления и т. д., формируя единый курс на декарбонизацию экономики.

При этом, несмотря на определенную успешность государственной «зеленой политики», ее преобладающе технократический характер влечет за собой некоторые ограничения. Акцент на нормативно-технических решениях и экономических стимулах порой оставляет в тени культурные, этические и духовные аспекты устойчивого развития. В японском обществе с его богатыми традициями взаимоотношений с природой (синтоистские и буддийские взгляды на окружающий мир и др.) вопросы экологической культуры и ценностей играют не менее важную роль, чем законы и инвестиции. Однако представляется, что действующая «зеленая повестка» пока недостаточно интегрирует эти

⁸ GX実現に向けた方針GX *дзицугэн нимукэта хо:син* [Политика по реализации GX]: https://www.meti.go.jp/press/2022/02/20230210002/20230210002_1.pdf

нематериальные измерения: ценностные установки, мировоззренческие мотивы, вовлечение местных сообществ на уровне образа жизни. Подобный разрыв означает, что рассмотрение одной лишь государственной стратегии и уровня развития технологий может быть недостаточно для достижения подлинного понимания данного процесса. Именно в этом контексте все более заметной становится роль религиозных и общественных институтов, способных привнести этические ориентиры и глубокую мотивацию в «зеленую повестку».

Сегодня экологическая повестка в Японии уже не ограничивается уровнем официальных стратегий и международных соглашений: она становится частью публичных дискуссий и влияет на повседневный выбор отдельных граждан. Участие в программах по снижению бытовых отходов, переход на источники возобновляемой энергии, критика атомной энергетики, этические и экологические доводы в пользу вегетарианства – все это примеры того, как экологические установки получают практическое выражение. Хотя эти практики пока не стали массовыми, они демонстрируют, что вопросы экологии становятся предметом моральных суждений и личной ответственности. В этом смысле в современном японском обществе есть запрос не только на технологические или административные решения, но и на ценностную рамку, в которой такие решения могли бы осмысляться.

На этом фоне религиозные традиции и организации Японии стремятся участвовать в продвижении идей устойчивого развития, дополняя усилия государства своим духовно-культурным потенциалом. Риторiku в поддержку «зеленой повестки» можно наблюдать у представителей разных японских деноминаций, к примеру – традиционных буддийских школ, таких как Риндзай-дзэн⁹, Дзёдо-Син¹⁰, Сингон¹¹ и некоторых других. Осмысление устойчивого развития в религиозной сфере можно обнаружить не только у них, но и у новых религиозных движений (далее – НРД).

Возникает справедливое подозрение – не является ли апелляция к экологической тематике со стороны религиозных организаций лишь способом встроиться в мейнстрим и сохранить актуальность? Ответ на такой вопрос кроется в конкретном анализе каждой из конфессий.

⁹ См.: <https://www.myoshinji.or.jp/1137/1140/sdgs>

¹⁰ См.: <https://tsukijihongwanji.jp/info/sdgs/>

¹¹ См.: <https://chisan.or.jp/shinpukuji/center/workshop/forum/密教と環境—密教は地球環境問題にどう向き合う/>

В случае с рассматриваемой в этой статье новой религией *Сэйтё-но Иэ* обращение к экологической проблематике имеет как политические, так и теологические причины – при этом не всякий раз очевидно, какая из них преобладает. Несомненно, во всяком случае то, что позиция *Сэйтё-но Иэ* в интерпретациях проблем современной зеленой повестки всякий раз взывает к вероучительным положениям, что отдаляет идею устойчивости от ее сугубо политического характера и приближает ее к этическому императиву.

Вероучение *Сэйтё-но Иэ*

Новые религии, известные по-японски как *синсю:кё*: 新宗教 или *синко:сю:кё*: 新興宗教¹² – это религиозные движения, которые были образованы и продолжают образовываться с XIX в. по наши дни. Многие из них еще более синкретичны чем традиционные японские религии: НРД вобрала в себя не только верования синтоизма, японского буддизма, конфуцианства и даосизма, но и элементы религий, не бытовавших в Японии до XIX в. В эпоху Мэйдзи в стране стали распространяться авраамические религии, западная философия, а также наука – все это не могло не повлиять на японскую религиозность.

Интересующей нас *Сэйтё-но Иэ* предшествовало *Оомото-кё*: 大本教 («Учение Великого начала», основано в 1892 г.), опиравшееся в своей доктрине как на буддизм и интерпретации синтоизма в духе Кокугаку¹³, так и на многие западные идеи: перенниализм¹⁴, интернационализм и даже некоторые иудео-христианские верования. Поначалу *Оомото-кё*: представляла собой генотеистическую религию¹⁵ преимущественно на синтоистских народных началах, позже стала вбирать в себя идеи западного происхождения и очень сильно

¹² Термин *синко:сю:кё*: нередко считается представителями новых религий пейоративным.

¹³ Кокугаку 国学 – интеллектуальное движение эпохи Эдо (1603–1868), адепты которого занимались филологическим анализом памятников японской древности. Многие из приверженцев Кокугаку пытались преобразовать синтоистские верования в единую религиозную систему, схожую с буддизмом или конфуцианством.

¹⁴ Идея, согласно которой все религии мира (или почти все) имеют единое происхождение, которое их роднит.

¹⁵ Генотеизм – позиция, при которой признаётся существование множества богов, но один из них почитается как главный.

расширилась за счет прозелитической кампании, основу которой составляло издание вероучительных журналов.

Танигути Масахару 谷口雅春 (1893–1985), основавший в 1930 г. новую религию *Сэйтё:-но Иэ* 生長の家 («Дом роста»), долгое время был помощником главного редактора журнала Оомото, а также стенографировал откровения главы *Оомото-кё:*. В 1922 г. Танигути покинул Оомото после того как эта секта пережила репрессии со стороны государства.

13 декабря 1929 г. Масахару Танигути, погруженный в глубокие раздумья, впервые услышал божественный голос, который, согласно традиционному нарративу секты, поведал ему основы будущего вероучения *Сэйтё:-но Иэ*. Согласно этой доктрине, восприятие людей, как правило, затуманено иллюзиями феноменального мира 現象, *гэнсё:*, которые мешают субъекту видеть всеблагу действительность, истинное бытие 実相, *дзиссо:*. Истинное бытие тесно связано с монотеистическим Богом, который обладает свойством «совершенности» – 完全性 *кандзэнсэй*. Всякого рода страдания, болезни и неудачи мыслятся как искажения феноменального мира, а не часть единственно существующего истинного бытия. Целью адепта *Сэйтё:-но Иэ* является духовное очищение своего восприятия, которое приближает к постижению истинного облика всего сущего.

Сэйтё:-но Иэ является синкретической религией, состоящей из буддийских, синтоистских (в интерпретации Кокугаку), а также христианских элементов в духе идей западных новых религий Нового Мышления (New Thought). Количество адептов *Сэйтё:-но Иэ*, по официальным данным секты, около миллиона человек по всему миру (ок. 350 тыс. в Японии, ок. 690 тыс за рубежом¹⁶).

Наиболее доктринально важными практиками *Сэйтё:-но Иэ* выступают¹⁷: 1) медитация, именуемая «созерцанием и помышлением Бога» *синсо:кан* 神想観, проводимая индивидуально либо в группах в храме; 2) чтение вероучительной литературы, а также особых сутр *сэйкё:* 聖教, написанных лидерами движения; 3) деяния любви – альтруистические акты помощи ближнему. Все три практики, согласно доктрине *Сэйтё:-но Иэ*, очищают восприятие человека от призраков феноменального мира и приближают его к истинному облику бытия.

¹⁶ См.: <https://www.jp.seicho-no-ie.org/about/outline/>

¹⁷ Информация получена в ходе полевого исследования, проведенного весной–летом 2024 г.

Учение этой религии также заявляет об особой творительной способности слов и мыслей, от чего деяния любви нередко могут выражаться в молитве, словах поддержки и восхищения, именуемых «словами любви» 愛語, *аиго*, а сутры или книги, как принято говорить, содержат в себе «добрые слова» よき言葉, *ёки котоба*, тоже благим образом воздействующие на действительность.

***Сэйтё-но Иэ* и политика**

Политическую позицию *Сэйтё-но Иэ* в XX в. принято мыслить как проправительственную и ультраправую. Реакционный сентимент, тем не менее, прослеживался в действиях Танигути Масахару весьма непоследовательно – известно, что Танигути критиковал власти за репрессирование различных японских новых религий, а также выступал против распевания японских военных песен. Некоторые из них, в частности, «*Уми Юкаба*» – Танигути считал слишком пораженческими [Светлов 1989 с. 109]. «*Уми Юкаба*», основанная на стихе раннесредневекового поэта Отомо Якамоти (?–785), эталонно соответствовала духу довоенной и военной японской пропаганды – восхваляла «правильную» смерть героя. «Если поплывем по морю, // Пусть вода поглотит наши трупы. // Если отправимся в горы, // Пусть трава покроет наши трупы. // Умрем подле государя, // Не оглядываясь назад».

«Герой» той эпохи ценился не столько за его прижизненные поступки, сколько за благородную смерть во имя государства и государя. При этом тактическая оправданность и эффективность таких суицидальных «подвигов» уходила в японской пропаганде на второй план [Мещеряков 2020, с. 292]. Танигути, выступая с позиций позитивного мышления (позаимствованного из различных New Thought движений), не мог в открытую восхвалять суицидальный героизм – действительно рабочим лозунгом, соответствующим вероучению *Сэйтё-но Иэ*, можно было выдвинуть лишь позитивный «Верная победа японской армии!» *Ко:гун хиссё* 皇軍必勝. Во время Второй мировой войны именно под этим слоганом Танигути занял уверенную промилитаристскую позицию и проводил кампанию по сбору пожертвований на нужды японской армии. За свою пропагандистскую деятельность он подвергся тюремному заключению при оккупации Японии союзными войсками [Комаровский 2002, с. 299].

После поражения Японии во Второй мировой войне правые настроения в *Сэйтё:-но Иэ* не угасали вплоть до начала XXI в. Адепты *Сэйтё:-но Иэ* были известны как отрицатели военных преступлений Японии и сторонники пересмотра девятой статьи конституции, а также были сторонниками антиабортного движения. Кроме того, была основана политическая ассоциация «Сэйтё:-но Иэ сэйд-зирэнго:» 生長の家政治連合, формально просуществовавшая с 1964 по 1995 гг. (в действительности свою деятельность она прекратила в 1983 г.), являвшаяся выразителем политических воззрений организации. Ассоциация выступала за активную поддержку либерально-демократической партии Японии и сотрудничала с религиозными политическими ассоциациями со схожими воззрениями.

Однако в XXI в. пресса заговорила о превращении *Сэйтё:-но Иэ* в «либеральное религиозное объединение» リベラル教団, *рибэрару кё:дан*¹⁸. Политический поворот принято связывать с именем нынешнего лидера организации – Танигути Масанобу 谷口雅宣 (р. 1951), внука Танигути Масахару. Отцом Масанобу был зять Масахару, Танигути Сэйтё: 谷口清超 (1919–2008). Любопытно, что еще Сэйтё:, вовсе не отказываясь от праворадикальных взглядов, проявлял особый интерес к идеям «зеленой политики» – поощрял использование солнечных панелей для вырабатывания энергии, а в качестве транспорта рекомендовал пользоваться электромобилями. Однако полный уход с правой стороны политического спектра совершил Масанобу, что привело к расколу в организации. Часть верующих, несогласная с новым политическим курсом, отделилась от *Сэйтё:-но Иэ* и образовала несколько фундаменталистских организаций, именуемых зонтичным термином «Основное течение *Сэйтё:-но Иэ*» (生長の家本流運動, *Сэйтё:-но Иэ хонрю:ундо:*) и выступающих за возвращение к старой, ортодоксальной интерпретации трудов Танигути Масахару.

Танигути Масанобу выступает за сохранение девятой статьи японской конституции, а также является активным сторонником движения по сохранению окружающей среды. Для обоснования своих позиций он прибегает к идеям вероучения, основы которого заложены его дедом. В отличие от Масахару, Масанобу не заявляет об особом пророческом даре или мистическом опыте – в сущности он занимается свободной герменевтикой трудов основателя

¹⁸ См.: <https://diamond.jp/articles/-/308932>.

секты, с помощью которой выводит актуальные для современного *Сэйтё-но Иэ* положения.

Следует думать, что деятельность нынешнего лидера движения во многом направлена на некоторое оправдание *Сэйтё-но Иэ* и апеллирует к умеренной и левой аудитории, многие представители которой помнят ультраправое прошлое секты. В активном обращении Танигути Масанобу к вопросам экологической повестки можно усмотреть некоторую попытку этой апологии. Однако даже если посчитать поддержку экологического движения «дипломатическим» ходом, нельзя отрицать весьма глубокую вероучительную интерпретацию «зеленой повестки». Масанобу трудно назвать лишь приспособленцем поскольку он напрямую отсылает к трудам предыдущих лидеров *Сэйтё-но Иэ* (в особенности к трудам основателя движения), в которых содержатся идеи правого толка, не вполне уместные для современной доктрины этой религии. Тем не менее, положения из этих работ используются аккуратно и выборочно, что позволяет сделать вывод о своего рода политической прагматичности его подхода. Иначе говоря, в этой риторике наблюдается синтез как религиозного, так и политического, в которой необязательно преобладание одного над другим.

Учение о карме и перерождении в *Сэйтё-но Иэ*

Костяком апологии современной «зеленой политики» в доктрине *Сэйтё-но Иэ* служат буддийские по происхождению учения о карме и перерождении, перенятые еще основателем движения. В своих первых крупных трудах Танигути Масахару как минимум упоминает концепцию перерождений. В первом томе сборника «Сэймэй-но Дзиссо:» (生命の実相, «Истинный облик живительной силы») он описывает идею особых помощников на пути духовного роста людей и именует их «спасителями», «мессиями» 救い主, *сукуинуси*. Поскольку путь адепта *Сэйтё-но Иэ* связан с избеганием страданий, Танигути Масахару считает, что в религиозном подвижничестве нет смысла страдать «с чистого листа». Спасители уже испытали множество мук, тем самым проложив другим людям путь к безболезненному духовному росту, и отказываться от их помощи попросту неразумно. В их список входят будда Амида, прошедший несколько перерождений в суровой аскезе [Taniguchi 1952, p. 10–14]. Впрочем, в трудах основателя *Сэйтё-но Иэ* основное внимание уделено не вопросам посмертного

существования, а посюсторонним проблемам, и подробностям перерождения и идеям кармы там уделяется не очень много места.

Следует признать, что интерпретация кармы и перерождения в *Сэйтё:-но Иэ* имеет расхождения с традиционной буддийской мыслью. В отличие от буддизма, отрицающего существование неделимого Я, души или индивидуальности, *Сэйтё:-но Иэ* проповедует существование бессмертной души (также именуемой «живительной силой» 生命, *сэймэй*, иногда эти знаки читаются как *тамаси*), вечно хранящей в себе индивидуальность [Ibid., p. 9–10]. Именно душа или живительная сила подвержена перерождениям. Поскольку душа человека бессмертна, его физическое рождение лишь знаменует обретение новой плоти, но не начало новой жизни. Согласно «закону родства» 親和の法則, *синва но хо:соку*, живительная сила или душа при выборе нового плотского облика стремится к семьям со схожей духовной «вибрацией» 振動, *синдо:*, и чаще всего перерождается в той же семье и стране, что и в предыдущей жизни. Допускается, что живительная сила может переродиться и в другой стране – такой человек, по мнению Танигути Масанобу, будет тянуться к путешествиям или к жизни за границей [Taniguchi 2012, p. 218–219].

Уже с младенчества человек несет кармический груз предыдущих перерождений, которые с высокой вероятностью были прожиты им в телах его предков. Из этого следует, что всякие деяния предков могут отягощать или же облегчать существование в этой жизни. Слово *карма*, переводящееся с санскрита как «деятельность», а также бытующее в японском языке в записи 業, *го:*, с таким же значением, чаще всего воспринимаются в контексте буддийского учения о воздаянии за благие или злые дела. В традиционном японском буддизме считается, что воздаяние может наступить как в этой, так и в последующих жизнях, оно влияет на характер будущего перерождения (см. перевод отрывка из трактата Кукая в настоящем выпуске Ежегодника). Издревле существует концепция трех видов кармической деятельности 三業, *санго:*, которая также оказывается включенной в учение *Сэйтё:-но Иэ*. Согласно ей, деяния тела 身業, *синго:*, уст 口業, *куго:*, и помышления 意業, *иго:*, формируют кармический груз субъекта и определяют последующее воздаяние, которое может быть благим, дурным или нейтральным [Nakamura et al. 2023, p. 389].

Любопытно, что в рамках учения *Сэйтё:-но Иэ*, по всей видимости, решается давний вопрос об источнике кармического закона. Идея

кармы была представлена не только в буддизме, но и в других древних индийских учениях, в том числе признававших богов и могших объяснить кармическое воздаяние через божественный промысел. Для подобного бога в индийском буддизме не находилось места. В учении *Сэйтё-но Иэ*, признающем существование единого Бога, движущей силой воздаяния является не сколько сам Бог, сколько разум всякого субъекта. Бог в *Сэйтё-но Иэ* является совершенно благом, тогда как мучения и болезни относятся к иллюзиям феноменального мира, источником которого является сознание человека. С похожих позиций выступал один из основателей индийской буддийской школы йогачары Васубандху, согласно которому как сами деяния, так и воздаяние за них исходили из разума всякого человека [Buswell 2004, p. 415].

Ископаемое топливо и атомная энергия как источники дурной кармы

Попробуем сопоставить теоретические основания современной «зеленой повестки» и учения *Сэйтё-но Иэ*, найти их точки соприкосновения и взаимного влияния. Танигути Масанобу в своих работах с тревогой заявляет: человечество накапливает дурную карму путем всех трех видов деяний еще со времен промышленной революции, давшей начало интенсивной добыче ископаемого топлива, активное использование которого вредит окружающей среде. Здесь прослеживается сходство с экологической повесткой в осмыслении промышленной революции как поворотного момента – ее критику мы также находим и у английских романтиков, упомянутых ранее. Один из постулатов *Сэйтё-но Иэ*, полученный Танигути Масахару в одном из откровений, гласит: «Благодарите мириады вещей неба и земли!» (天地の万物に感謝せよ, *Тэнти но банбуцу ни канся сэё*)¹⁹. Именно на него обращают внимание адепты *Сэйтё-но Иэ* в доктринальном обосновании своей поддержки «зеленой политики».

Итак, деяния, наносящие вред «мириадам вещей неба и земли», становятся дурной кармой 悪業, *акуго*:. Неприемлемым считается и использование энергии атома, несущее, по мнению Танигути Масанобу, множество рисков для окружающей среды: возможное

¹⁹ Орывок из одного из наиболее часто цитируемых откровений *Сэйтё-но Иэ* – «Божественного откровения о зажигателях семи светильников» (七つの燈臺の點燈者の神示, *Нанацу-но то:дай-но тэнто:ся-но синдзи*).

повторение аварии на АЭС Фукусима–1, распространение радиоактивных отходов, проблемы с ядерным разоружением. Атом, как видит Танигути, не может быть сугубо «мирным»: «Знаете ли вы, как началось использование силы атома? Этому нас учили на уроках истории, не так ли? Человечество впервые применило силу атома в Хиросиме и Нагасаки. Вот она – неизменная истина. В чем же наивысшая цель этой силы атома? Убийство человека и разорение цивилизации – вот в чем» [Taniguchi 2012, pp. 224–225]²⁰.

Разного рода апологетика и содействие использованию ископаемого топлива и атомных электростанций рассматривается через призму вышеупомянутой концепции трех видов кармической деятельности *санго*: Помышления в духе «Как же мы можем прекратить использование топлива и энергии атома, мы ведь современные люди и только благодаря им живем так прекрасно!» или «В Китае и в Америке добывают энергию так же, поэтому и нам дозволено!» попадают в категорию вредных помышлений *уго*:. Являясь дурной кармой сами по себе, эти помышления, распространяемые в обществе, порождают дурные деяния тела *синго*: – люди стремятся воплотить свои помышления в реальность и, скажем, восстанавливают в Японии работу атомных электростанций, люди снова начинают на них работать, что делается главным источником пропитания их семей²¹. Эти работники, считает Танигути, один за другим заговарят: «Вернуться к другим источникам энергии мы уже не можем!» – это и будут дурные деяния уст *куго*: [Taniguchi 2012, p. 220–221].

Танигути Масанобу подчеркивает, что такого рода карма – это злодеяния не просто конкретного индивида, а всего человечества. Она оказывает влияние как в этом перерождении, так и в будущем – на жизнь наших потомков, кем мы и члены нашей семьи имеем шанс

²⁰ Тут стоит отметить, что заявление Масанобу не вполне фактически верно, поскольку первый контролируемый реактор (Chicago Pile–1) был сконструирован и задействован на три года раньше атомных бомбардировок – в 1942 г. [Hewlett, Anderson 1962, p. 54]. Это был экспериментальный реактор, хоть и построенный в рамках проекта «Манхэттен».

²¹ Примечательно, что подобный сценарий получил подтверждение в действительности: с начала 2020-х гг. Япония фактически стала активизировать использование атомной энергии. В 2022 г. было объявлено о курсе на «перезапуск» ядерного сектора, обосновывалось это необходимостью укрепления энергетической безопасности, сокращения зависимости от импорта ископаемого топлива и достижения целей декарбонизации. На данный момент атомная энергетика вновь заняла одно из центральных мест в долгосрочной энергетической стратегии страны, что подтверждает актуальность критики Танигути.

переродиться. Глобальное потепление и иные экологические бедствия объявляются воздаянием человечеству в целом. Социальный смысл этой доктрины резонирует с идеей межпоколенческой ответственности, которую Танигути отображает через вероучительную призму. Согласно распространенным положениям «зеленой концепции» и теории устойчивого развития, нынешнее поколение несет моральное обязательство не подрывать возможности будущих поколений удовлетворять их основные потребности. В рамках теории устойчивого развития этот принцип закреплён, в частности, в докладе комиссии Брундтланд 1987 г. и ряде международных соглашений, включая Повестку дня на XXI век и Цели устойчивого развития (ЦУР). «Устойчивое развитие является развитием, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но которое не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [Евтеев, Перелет 1989, с. 59].

В учении *Сэйтё-но Иэ* данная идея получает религиозно-нравственное измерение. Танигути Масанобу, интерпретируя экологические вызовы сквозь кармическую оптику, утверждает, что действия современного человека, сопряженные с разрушением природы – будь то использование атомной энергии, вырубка лесов или загрязнение почвы, – создают не только индивидуальные, но и коллективные кармические последствия, которые лягут на будущие поколения. Он приходит к выводу, что каждый человек несет ответственность за свои деяния в отношении окружающей среды, поскольку, согласно учению *Сэйтё-но Иэ*, велика вероятность того, что в будущем рождении он сам воплотится в собственном роду или по крайней мере в пределах той же самой страны. В этом свете экологическое разрушение перестает быть далекой проблемой, с которой столкнутся другие люди из будущих поколений, а становится следствием, которое с высокой вероятностью настигнет самого деятеля в его следующем воплощении. Следовательно, концепция межпоколенческой ответственности в учении *Сэйтё-но Иэ* обретает не только этико-религиозное, но и глубоко персонализированное измерение: забота об окружающей среде – это забота о самом себе в завтрашнем мире. Экологическое поведение здесь оценивается не только через призму рациональной устойчивости, но и через сакральную этику кармической взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, в которой причиненный ущерб возвращается не метафорически, а буквально.

Лидер *Сэйтё:-но Иэ* предлагает лишь один выход: «Итак, раз накопление плохой кармы в самом деле происходит, то нам следует в кратчайшие сроки прекратить это накопление, заместить плохую карму благой» [Taniguchi 2012, p. 223]. Иначе говоря, всякого рода поддержка идей «зеленой политики», а также использование ветряков, солнечных панелей и других возобновляемых источников энергии способно накопить благоую карму в этом перерождении, которая передастся потомкам.

Танигути Масанобу оказался не голословен – в 2003 г. под его руководством было решено перенести главный храм *Сэйтё:-но Иэ*, ранее находившийся в центре Токио в районе Харадзюку, в горы префектуры Яманаси. Уже тогда предполагалось, что новый храм будет построен сообразно идеям «зеленой политики»: энергия там будет полностью возобновляемой, к храму будут допускаться лишь электромобили, а лес будет расчищен с наименьшим вредом для окружающей среды. Назван этот головной храм «Офисом в лесу» 森の中のオフィス, *мори но нака но офису* ²². Он в самом деле на первый взгляд не напоминает религиозное учреждение. Множество его элементов сделаны из дерева, а крыши заполняют солнечные панели. Ныне храм энергетически самодостаточен и полностью прекратил сотрудничество с японскими энергетическими компаниями.

Здесь следует отметить еще одно примечательное пересечение между практикой *Сэйтё:-но Иэ* и государственной экологической политикой Японии – ориентир на стандарты энергоэффективности зданий. Так, строительство «Офиса в лесу» предвосхищает внедрение в стране стандартов ZEH (Net Zero Energy House) и ZEB (Net Zero Energy Building), предусматривающих создание зданий с нулевым (или близким к нулю) энергопотреблением за счет использования возобновляемых источников энергии и повышенной теплоизоляции. Эти стандарты стали частью государственной стратегии по декарбонизации строительного сектора. С 2025 г. в Японии вводится обязательное строительство по стандарту ZEH для всех новых индивидуальных жилых домов, а в 2030 г. аналогичное требование распространится и на все новые нежилые здания по стандарту ZEB²³. Иначе говоря, современная позиция *Сэйтё:-но Иэ* не только

²² См.: https://youtu.be/DXhnyM6KRJ0?si=TE9lbPQOVSBJK_Xj

²³ См.: https://www.enecho.meti.go.jp/category/saving_and_new/saving/general/housing/index03.html

не противоречит экологическим приоритетам японского государства, но и иногда их опережает.

Любопытно, что в процессе создания нового головного храма был преобразован и старый. На месте прежней штаб-квартиры в Харадзюку теперь находится небольшой парк, именуемый «Лесом жизни» いのちの樹林, *иноти но дзюрин*. В оставшихся зданиях прежнего храма располагается зал для медитации вместе с небольшой каменной пагодой внутри храма, именуемой «Пагодой сияния» 光明の塔, *ко:мё:-но то:* (словом *ко:мё:* в *Сэйтё:-но Иэ* обозначают распространяющийся свет их учения). Немногочисленные сотрудники предлагают посмотреть видеоматериалы, посвященные строительству нового головного храма, а также флоре и фауне «Леса жизни». Имея редкую для центра Токио флору и фауну, это место позиционирует себя как «зеленый уголок» в «бетонных джунглях» столицы страны. Здесь прослеживается пересечение с приоритетами японской государственной и муниципальной политики по озеленению городов. Особенно это видно в контексте борьбы с эффектом «теплового острова»²⁴ и продвижения городской устойчивости. Префектура Токио реализует инициативы по увеличению зеленых насаждений, в том числе создание «зеленых островков» и «зеленых крыш»²⁵. Пример «Леса жизни» – частный, но репрезентативный вклад в выполнение этих стратегий, особенно в условиях плотной городской застройки. Это вновь демонстрирует потенциальную синергию между инициативой *Сэйтё:-но Иэ* и государственной экологической повесткой.

Вегетарианская диета

Сэйтё:-но Иэ под предводительством Танигути Масанобу выступило с настоятельной рекомендацией по обращению к вегетарианской диете. Призывы к неупотреблению мяса в пищу встречаются еще в работах основателя секты, Танигути Масахару, однако в нынешнее

²⁴ Повышение температуры в городах по сравнению с окружающими сельскими районами. Он возникает из-за накопления тепла в бетоне, асфальте и других городских материалах, а также недостатка зеленых насаждений. Дополнительное тепло выделяется транспортными средствами, кондиционерами и промышленными производствами. Это приводит к перегреву, росту энергопотребления и ухудшению здоровья горожан.

²⁵ См.: <https://www.env.go.jp/content/900399463.pdf>.

время эти идеи стали приобретать новые интерпретации в духе «зеленой политики».

Основатель выступал во многом с вероучительных позиций, навешанных буддизмом, – он прямо говорил о карме и о буддийской заповеди ахимсы (不殺生, *фуссэсэ:*), запрещающей убивать любое живое существо. Употребление мяса в пищу, требующее убоя скота, несло воздаяние сообразно самому деянию. Убийства, как говорит Танигути Масахару, кармически влекут за собой новые убийства, непременно распространяющиеся на мир людей. Из этого он заключает: пока люди будут убивать животных и всячески оправдывать мясную диету, войны не прекратятся [Taniguchi 2008, p. 168].

Танигути Масанобу во многом разделяет мнение своего деда, но добавляет собственную, следует отметить, во многом более прагматичную и светскую интерпретацию. Согласно ей, рост городов и спрос городского населения на мясные продукты требуют обширных пастбищ. Леса, играющие ключевую роль в поглощении углекислого газа, вырубаются ради расчистки территории, что усиливает парниковый эффект, а значит, влечет за собой потенциальное повышение уровня моря и постепенное затопление прибрежных зон, сокращение площади суши. Все это, как считает лидер *Сэйтё:-но Иэ*, может привести к усугублению территориальных конфликтов, которые приводят к новым войнам.

Возвращаясь к кармической интерпретации, Масанобу добавляет: «Существует мнение, что мясной диетой мы наносим вред лишь животным, но в конце концов она оказывается связана со страданием людей. Так происходит вечное движение кармы. В действие вступает закон духа-разума²⁶ “Кто живет грабежом, того и разграбят”» [Taniguchi 2012, p. 236].

Однако, в отличие от буддийского учения, доктрина *Сэйтё:-но Иэ* с момента ее появления не рассматривала немясную диету как необходимое условие добродетели [Taniguchi 2012, p. 230–231]. Даже сейчас, несмотря на активное продвижение вегетарианской диеты, отказ от мясной пищи носит во многом рекомендательный, но не обязательный характер. Сейчас вегетарианская диета в *Сэйтё:-но Иэ* именуется «безмясной диетой» ノーミート料理, *но:ми:то рё:ри*.

²⁶ Законы духа-разума 心の法則, *когоро-но хо:соку*, – объекты познания любого адепта *Сэйтё:-но Иэ*; их, постижение, как считается, гарантирует верующему избавление от страданий и обретение контроля над собственной судьбой.

Высказывания Танигути Масанобу, созвучны идеям «зеленой повестки», согласно которым промышленное животноводство само по себе оказывает значительное негативное влияние на окружающую среду [Scoones 2023]. Коровы и свиньи причисляются к крупнейшим источникам метана – мощного парникового газа, усиливающего глобальное потепление. Скотоводство требует огромного количества воды и кормов, для производства которых также используются сельхозугодья, полученные за счет вырубки лесов. Кроме того, сточные воды и отходы ферм загрязняют почву и водоемы, нарушая экосистемы и способствуя утрате биоразнообразия. Несмотря на вероучительные интерпретации поднимаемых Масанобу вопросов, можно заметить еще одно совпадение со вполне секулярной «зеленой повесткой».

Кроме того, лидер *Сэйтё-но Иэ* подчеркивает плохое обращение с животными, которое, по его мнению, возникает из желания наиболее эффективно выращивать скот – многие загоны очень тесны и не похожи на естественную среду обитания животных, что может вызывать у них болезни. Выращивание и убой скота современными методами, а также употребление мяса в пищу – все это вновь рассматривается как деяния, влекущие за собой неблагоприятное кармическое воздаяние, ведь все они не выполняют постулат «Благодарения мириад вещей неба и земли» [Taniguchi 2012, p. 232].

Наиболее кармически вредными видами мяса, согласно проведенному нами интервью со священнослужителем Абэ Кадзусигэ весной 2024 г., являются свинина и говядина. Во время интервью Абэ нарисовал небольшую таблицу, где указал, что на 1 кг говядины приходится 13 кг корма, на 1 кг свинины – 8 кг корма. Наименее вредной оказалась курятина – на 1 кг курятины приходится, по мнению Абэ, лишь 2 кг корма. На вопрос «Употребляет ли сам Танигути Масанобу мясо в пищу?» священнослужитель ответил: «Ну, только если курицу...». Подразумевается, что корм для животных можно было бы использовать в качестве еды для людей в регионах, где не хватает продовольствия. Тезис на первый взгляд кажется убедительным, но на практике он представляется упрощенным. Большинство кормов изначально непригодны для человеческого потребления из-за своей грубой структуры, низкой пищевой ценности или необходимости сложной переработки. Кроме того, адаптация таких продуктов под диету человека потребовала бы значительных технологических и экономических усилий, сопряженных с экологическими последствиями.

Между тем, Танигути Масанобу признает, что отказ от мяса должен быть поэтапным, поскольку моментальное разрушение всей мясной промышленности влечет за собой множество жертв: люди останутся без зарплат и профессий. Поэтому адепту *Сэйтё:-но Иэ* настоятельно не рекомендуется бежать к ближайшую мясную лавку и устраивать там апокалиптическую проповедь о дурной карме, которую своей деятельностью производит мясник [Ibid., p. 233].

Продвижение вегетарианской диеты помимо проповедей происходит в *Сэйтё:-но Иэ* и в журналах, выпускаемых сектой. В изданиях, нацеленных на женскую аудиторию, таких как «Сирохато» (白鳩, «Белый голубь»), можно обнаружить рецепты различных вегетарианских блюд. Кроме того, в некоторых храмах *Сэйтё:-но Иэ* как правило раз в месяц работает «открытая столовая» オープン食堂, *о:пун сёкудо:*, где любого посетителя кормят вегетарианским обедом.

Заключение

Сэйтё:-но Иэ исходит из позиции субъективного идеализма, согласно которому весь мир является проявлением нашего духа-разума *ма кооро* 心. Именно поэтому все глобальные экологические проблемы – это совместная проекция духов-разумов всех людей, и карма в этом контексте также становится общей. Радикальная смена образа жизни на более благожелательный в отношении окружающей среды является духовным преобразованием людей, влекущем за собой появление благой действительности, где все вышеописанные проблемы в будущем окажутся решены.

Коллективный подход достижения истинного бытия, направленный на мобилизацию сил ради решения общей проблемы решительно опровергает интерпретацию онтологии *Сэйтё:-но Иэ* в духе марксистского «опиума для народа». Автор единственной русскоязычной научной работы XX в., посвященной *Сэйтё:-но Иэ*, Г. Е. Светлов, интерпретировал идею истинного бытия как «идеологию утверждения status quo». Поскольку вся неблагая действительность объявляется частью феноменального мира, являющегося по определению иллюзорным, «*Сэйтё:-но Иэ* призывает человека примириться со своим положением, сколь бы тяжело оно ни было, и отказаться от борьбы за его улучшение» [Светлов 1989, с. 105]. Однако в интерпретациях Танигути Масанобу нет места такому эскапизму. Он прямо

заявляет, что для решения глобальных проблем не хватает одной лишь молитвы или надежды на улучшение обстоятельств – необходимы решительные действия и радикальный пересмотр образа жизни каждого человека [Taniguchi 2012, p. 236]. Это коррелирует с идеями отцов-основателей экологического дискурса, в частности, английскими романтиками. Так, Гэнри Дэвид Торо в своем трактате «Уолден, или жизнь в лесу» постулирует идею о природе (=окружающей среде) как о пространстве, стимулирующем делать экологический выбор [Thoreau 1899].

Современная позиция *Сэйтё-но Иэ*, как она раскрывается в речах Танигути Масанобу, архитектуре религиозных объектов, проповедях и экологической практике, демонстрирует концептуальное родство с тем направлением «зеленой мысли», которое Э. Добсон определяет как экологизм. В отличие от энвайронментализма, предполагающего решение экологических проблем посредством корректировок в пределах существующего социально-экономического порядка, учение *Сэйтё-но Иэ* предлагает трансформацию самого мировоззрения человека. Идея сакральной взаимосвязи всех форм жизни, добровольное самоограничение в потреблении, отказ от использования энергии, генерируемой АЭС и ископаемыми ресурсами, – все это указывает на стремление к глубинной ценностной перестройке.

Религиозная доктрина *Сэйтё-но Иэ* по своей сути эквивалентна экологизму как радикальной идеологии устойчивости. В ней окружающая среда перестает быть фоном человеческой жизни или ресурсом для развития, а осмысливается как равноправная часть единого космического и духовного порядка, нарушение которого влечет моральные и кармические последствия. Это сближает позицию *Сэйтё-но Иэ* с наиболее последовательными формами «зеленой» политической мысли и подчеркивает значимость духовного измерения в формировании экологической ответственности – измерения, об особой важности которого говорит Э. Добсон.

Библиографический список

- Евтеев С. А., Перелет Р. А. (ред.) (1989). Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / предисл. Г. Харлем Брундтланд – Москва: Прогресс.
- Карсон Р. (1965). Безмолвная весна. – Москва: Прогресс.
- Комаровский, Г. Е. (2002). Государственный синто. *Синто: Путь японских богов*. В 2 т. Т. 1. – Санкт-Петербург: Гиперион. С. 261–311.
- Мещеряков А. Н. (2020) Образ «героя» в Японии во время Второй мировой войны. *Ежегодник Японии*. Т. 49. С. 274–298.
- Олдо Л. (1983). Календарь песчаного графства / пер. с англ. И. Г. Гуровой. – Москва: Мир.
- Светлов Г. Е. (1989) «Истинное бытие» и шовинизм: «Дух Ямато» в прошлом и настоящем. – Москва: Наука.

References

- Buswell, R. E., Jr. (Ed.). (2004). *Encyclopedia of Buddhism*. New York: Macmillan.
- Dobson, A. (2007). *Green Political Thought*. London: Routledge.
- Evtéev, S. A., & Perelet, R. A. (Eds.). (1989). *Nashe obshchee budushchee: doklad Mezhdunarodnoi komissii po okruzhayushchei srede i razvitiyu (MKOSR)* [Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development (WCED)]. Moscow: Progress. (In Russian).
- Hewlett, R. G., Anderson, O. E. (1962). *The new world, 1939–1946: A History of the United States Atomic Energy Commission*. University Park: The Pennsylvania State University Press.
- Karson, R. (1965). *Bezmolvnyaya vesna* [Silent Spring]. Moscow: Progress. (In Russian).
- Kasahara, M. (2009). Ondanka taisaku to taiki osen taisaku [Measures Against Global Warming and Air Pollution]. *Taiki Kankyō Gakkai-shi*, 44 (6), 400. (In Japanese).
- Komarovskii, G. E. (2002). Gosudarstvennoe sinto [State Shinto]. *Sinto: Put' yaponskikh bogov* [Shinto: The Path of Japanese Gods]. Vol. 1. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J., & Behrens, W. W. III. (1972). *Limits to Growth*. New York: Universe Books.

Meshcheryakov, A. N. (2020). Obraz «geroya» v Yaponii vo vremya Vtoroi mirovoi voyny [The Image of the “Hero” in Japan During World War II]. *Yearbook Japan*, 49, 274–298. (In Russian).

Nakamura, H. et al. (Eds.). (2023). *Bukkyō jiten* [Encyclopedia of Buddhism]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Oldo, L. (1983). *Kalendar’ peschanogo graffstva* [A Sand County Almanac]. Transl. by I. G. Gurova. 2nd edition. Moscow: Mir. (In Russian).

Scoones, I. (2023). Livestock, Methane, and Climate Change: The Politics of Global Assessments. *WIREs Climate Change*, 14 (1). <https://doi.org/10.1002/wcc.797>

Svetlov, G. E. (1989). “Istinnoe bytie” i shovinizm: “Dukh Yamato” v proshlom i nastoyashchem [“True Image” and Chauvinism: “The Spirit of Yamato” in the Past and Present]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Taniguchi, M. (1952). *Seimei no jissō. Aizōban* [The Truth of Life. Collector’s edition]. Vol. 1. Tokyo: Kōmyōsha. (In Japanese).

Taniguchi, M. (2008). *Shinpan kōfuku seikatsuron* [New Edition: Theory of the Happy Life]. Tokyo: Nihonkyōbunsha. (In Japanese).

Taniguchi, M. (2012). *Seichō no ie tte donna oshie?* [What Kind of Teaching is *Seichō no ie?*]. Tokyo: Nihonkyōbunsha. (In Japanese).

Thoreau, H. D. (1899) *Walden; or, Life in the Woods*. New York: T. Y. Crowell & Company.

Комаки Курихара: актриса, сохранившая верность Москве и русской культуре (к 80-летию юбилею)

Е. Л. Катасонова

Аннотация

Статья написана в связи с 80-летием известной японской актрисы и общественного деятеля Курихара Комаки, кавалера российского Ордена Дружбы народов, которая на протяжении уже более 50 лет вносит большой вклад в движение за дружбу и развитие культурных связей между Японией и Россией. Большую известность на родине и у нас в стране принесло ей участие в таких совместных фильмах, как «Москва, любовь моя», «Мелодии белой ночи», «Экипаж», «Шаг» и др., а также в большом числе спектаклей, поставленных на основе произведений русских классиков, в которых Курихара выступила в качестве режиссера и исполнительницы главных ролей. В последние годы она возглавляет оргкомитет по проведению Фестиваля русской культуры в Японии, который в условиях резкого ухудшения политических отношений между нашими странами и блокады русской культуры в мире остается действенным каналом для поддержания двусторонних общественных контактов и поиска путей к нормализации межгосударственного сотрудничества.

Ключевые слова: Япония, Россия, русская культура, Курихара Комаки, А. Митта, С. Соловьев, «Москва, любовь моя», «Мелодии белой ночи», «Шаг», Фестиваль русской культуры, культура отмены.

Автор: Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института Востоковедения РАН Москва, 131031, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: [katasonova@rambler.ru](mailto:katsonova@rambler.ru)

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Komaki Kurirara: the Actress who Remained Loyal to Moscow and Russian Culture (For the 80th Anniversary of the Actress)

E. L. Katasonova

Abstract

The article is written on the occasion of the 80th anniversary of a famous Japanese actress and public figure Kurihara Komaki, a knight of the Russian Order of Friendship of the Peoples, who, for more than 50 years, has contributed greatly to the movement for friendship and development of cultural ties between Russia and Japan. Her participation in such co-production films as *Moscow, My Love*, *Melodies of the White Night*, *Crew*, *Step*, and others, as well as in a large number of performances based on Russian classics, in which Kurihara acted as director and performer of the main roles, brought her great fame in her homeland and in our country. In recent years, she has chaired the organizing committee of the Russian Culture Festival in Japan, which, in the context of a sharp deterioration of political relations between our countries and the blockade of Russian culture in the world, remains an effective channel for maintaining bilateral public contacts and finding ways to normalize inter-state cooperation.

Keywords: Japan, Russia, Russian culture, Kurihara Komaki, A. Mitta, S. Solovyov, «Moscow, My love», «Melodies of the White Night», «Step», Festival of Russian culture, cancel culture.

Author: *Katasonova Elena L.*, Doctor of Sciences (History), Head of the Center of Japanese Studies, Insitiute of Oriental Studies of RAS:

12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 103031

E-mail: katasonova@rambler.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение. Немного из прошлого

Мы познакомились с Курихара Комаки очень давно – в октябре 1973 г. в японском Посольстве в Калашном переулке на большом и представительном приеме в честь приезда высокой японской делегации во главе с премьер-министром Танака Какуэй. Это был редкий

случай в истории двусторонних отношений, когда японские гости такого уровня посещали нашу страну. И это было хорошим знаком: обе стороны стремились к расширению взаимного сотрудничества, для которого вырисовывались неплохие перспективы.

В тот вечер в старинном особняке собралось очень много гостей – политиков, общественных деятелей, артистов, журналистов, лица которых были знакомы по газетам и телевидению. И я, полная чувств смятения и радости, испытывала, наверное такие же ощущения, что и Наташа Ростова на первом своем балу. Недавняя выпускница Института стран Азии и Африки, я тогда только что приступила к работе в Обществе дружбы СССР–Япония, это был первый прием в моей жизни, тем более по такому поводу. Не зная лично никого из присутствующих, я боялась с кем-то заговорить, и мне не оставалось ничего другого как держаться поближе к своим коллегам, которые тем временем знакомились и увлеченно общались с членами японской делегации.

И вдруг совершенно неожиданно кто-то из японцев подвел меня к Курихара Комаки, которая выглядела как королева этого вечера – изящная и обворожительная, в длинном белом вечернем платье, похожая на героиню волшебных сказок. Она оказалась известной японской актрисой, которая приехала в СССР сниматься в советско-японском фильме. Мы познакомились и общались почти весь вечер попеременно на русском и на японском. С нами многие фотографировались, шутили, и все было интересно и весело. А когда пришло время прощаться, мы пообещали друг другу встретиться еще раз, хотя, как мне кажется, ни она, ни я не придали этим словам особого значения. А это стало началом нашего долгого дружеского общения.

О времени и детских мечтах

Она родилась 14 марта 1945 г. в творческой японской семье, где знали и почитали мировую культуру, а русскую особенно. Отец был драматургом, мать – актрисой, и уже только своим происхождением Комаки была призвана служить искусству. Шли последние самые трудные месяцы Тихоокеанской войны, когда Япония еще отчаянно, но уже практически безнадежно продолжала сражаться в той многолетней бойне, которую по существу сама и развязала внезапным нападением на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор в 1941 г.

Но самое страшное японцев еще ждало впереди – им еще предстояло испытать смертоносные ядерные бомбардировки городов Хиросима и Нагасаки в августе 1945 г. и пленение почти миллионной Квантунской армии советскими войсками. А потом настало 2 сентября, вошедшее в историю как День капитуляции Японии, что было зафиксировано в специальном Акте, подписанном представителями союзных держав на борту американского линкора «Миссури», ставшего символом военно-морской мощи США.

С этого момента Япония переходила на оккупационное положение и под прямое управление со стороны Вашингтона, откуда американцы руководили созданием нового современного государства по своим образцам начиная с политического устройства и экономической модели и кончая насаждением новых моральных, духовных и культурных ценностей. Оккупация Япония союзническими, а по существу американскими войсками под командованием генерала Д. Макартура растянулась на долгие семь лет, в течение которых японское общество претерпело тотальную американизацию всех сторон жизни. Японские кинотеатры были заполнены продукцией Голливуда, из многочисленных баров и пивных, появившихся словно по взмаху волшебной палочки, полились звуки джаза и американская речь, а молодые японки, словно забыв о столь любимых их бабушками и мамами кимоно, переоделись в европейские платья, фасоны которых черпали из американских журналов мод. Дело дошло до того, что в 1960-е гг. кумир миллионов японцев Чарли Чаплин, посетив Японию, с недовольством заявил о том, что «там слишком уж много кока-колы»¹, имея в виду – американского.

Конечно же, японцы начали осваивать американские новинки еще задолго до начала войны, увлекшись фильмами, прославлявшими незнакомую для японцев роскошную жизнь на Западе, откровенными для того времени любовными сценами и непременным «хэппи-эндом». Полюбилась и анимация Диснея, особенно его «Белоснежка и семь гномов». Рассказывают, что еще в разгар Тихоокеанской войны в Японии был организован закрытый просмотр этой ленты для местной элиты. И все зрители были не только восхищены художественными достоинствами увиденного, но и приведены в некое замешательство из-за неожиданного осознания огромного технологического

¹ Музыкальная жизнь. № 17. 02.09.1987. С. 3.

отставания отечественной киноиндустрии от американской. И это потрясшее их открытие невольно навевало нерадостную мысль о том, что Японии вряд ли удастся победить в войне столь высокоразвитую страну, где даже анимация достигла такого непревзойденного уровня. И это предсказание оказалось пророческим.

А вот с приобщением японцев к русской культуре дело обстояло иным образом. Если Америка сразу же после войны начала тщательно насаждать и культивировать в Японии образцы своей так называемой поп-культуры, то Россия предстала прежде всего в образах своей нетленной классики. Все началось еще в 1880-х гг. с первых переводов на японский язык произведений Пушкина, Тургенева, Гоголя и др. Ну а затем настал черед современных на то время писателей – Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, творчество которых не только познакомило японцев с загадочной русской душой, но и заложило основы для формирования нового театрального искусства западного типа – *сингэки*. Символом новой японской драмы стала постановка романа Толстого «Воскресение», осуществленная на сцене уже тогда популярной труппы «Гэйдзюцудза». А прозвучавшая в ней песня Катюши в исполнении одной из первых актрис токийской театральной сцены Мацуи Сумако (1886–1919) навсегда вошла в анналы японского театра. Не зря Комаки Курихара так долго мечтала воплотить ее образ на сцене.

Но еще больше, чем драматическое искусство Курихару еще с детских лет привлекал балет, причем, именно русский балет, настоящий бум которого всколыхнул Японию в 1920-е гг. Исторически сложилось так, что знакомство с этим искусством жителей Страны восходящего солнца произошло еще в 1912 г. благодаря приезду итальянского балетмейстера Джованно Роси в Токио по приглашению Императорского театра «Тэйкоку гэкидзё», где он стал преподавать классический танец, что продлилось в общей сложности около трех лет. Увлечение же русским балетом буквально накрыло Японию после триумфальных выступлений прославленной русской балерины Анны Павловой, посетившей эту страну в рамках своего мирового турне в 1922 г. Именно тогда возник огромный интерес японцев к классической хореографии, появились первые частные школы, где работали преимущественно русские эмигранты либо приглашенные из Советского Союза солисты Большого театра.

Одним из них был А. А. Варламов – заслуженный артист РСФСР, долгие годы выступавший на главной сцене страны, а потом занявшийся педагогической деятельностью. Он-то и стал одним из любимых наставников Курихара в частной школе русского балета в Токио, где она не только училась танцу, но и знакомилась с русской культурой, литературой и театром и сохранила этот интерес на всю свою жизнь. Ей даже довелось танцевать в кордебалете, когда в Японии гастролировали артисты Большого театра. Но в 1963 г. учеба заканчивалась, а далее перед начинающей балериной вставала дилемма: что делать дальше? Ведь в ее стране еще долгие годы отсутствовали балетные труппы, на сценах театров не шли балетные спектакли, да и японская балетная школа не имела международного признания. Так что эта ситуация заставила ее неожиданно изменить своему увлечению балетом в пользу драмы. И это решение далось ей далеко не легко, но помог буквально фантастический случай.

Потом она не раз вспоминала свою встречу с первым космонавтом СССР Ю. А. Гагариным во время его поездки в Японию в 1962 г., когда ей посчастливилось преподнести ему цветы и даже немного поговорить с этим «неземным» человеком. А суть его напутствий, высказанных тогда 17-летней девушке, заключалась в том, что надо всегда и во всем следовать своей мечте и не отступать ни перед какими сложностями. «Я исполнил свою мечту и полетел в космос, – сказал он. – Тебе надо усердно работать и когда-нибудь ты станешь балериной»².

Балет, драма и кино

Ее мечтой тогда все еще был балет, и от нее девушка не отказалась даже тогда, когда поступила в театральное училище при драматическом театре «Хайюдза», где ставили пьесы европейских авторов. А в 1966 г. вошла в его труппу. Ее талант был замечен и оценен профессионалами еще в начале ее театральной карьеры. В 1968 г. недавняя студентка получает одну из первых своих наград – премию Ассоциации режиссеров Японии за роль Ирины в телеспектакле по чеховской пьесе «Три сестры». И это стало для начинающей актрисы бессрочным пропуском в мир чеховской драмы, в котором она прожила всю свою сценическую жизнь.

² Басова О. Как сложилась судьба японской актрисы советского кинематографа – Комаки Курихара: <https://zen.ru/a/Y1kH-YvIOj5sBSUp>.

Тогда же состоялся и ее дебют в кино, после успеха которого она начинает много сниматься в кино- и телефильмах разных жанров, в том числе в криминальных драмах: «Сага о Магоити» («Сирикураэ Магоити», 1969 г.), «Мы умираем просто так» («Иноти бо фуру», 1971 г.), «Волки» («Сюсё иваи», 1971 г.) и др., снятых талантливыми режиссерами, получившими в дальнейшем большую известность. Один из фильмов – мелодрама «Любовь и смерть» («*Ai to shi*», 1971 г.) режиссера Накамура Нобору – непонятно какими путями попал в советский прокат и сделал актрису известной не только в Японии, но и в нашей стране. Сюжет картины строился вокруг любовного треугольника, все коллизии внутри которого разрешает внезапная смерть героини во время взрыва в лаборатории. И все кончается тем, что оба молодых человека, преодолев возникшую между ними из-за девушки вражду, каждый по своему с большой грустью вспоминают о своей любви к ней.

Такие фильмы в те годы японская киноиндустрия буквально штамповала на потребу публики. Да и среди советских зрителей было немало любителей японских мелодрам, которые, смахивая с глаз слезу, сопереживали героям из столь загадочной и малознакомой Японии. А если к трогательному сюжету добавить еще красиво отснятые незнакомые пейзажи, нетипичные для нас молодые лица героев, да еще и мелодичную и хорошо запоминающую музыку, то кассовый сбор нашим кинотеатрам был обеспечен. Достаточно вспомнить невероятный успех в советском прокате японской музыкальной мелодрамы «Сезон любви» («*Koi-no kisetsu*», 1969 г.), полюбившейся советской публике благодаря ставшей невероятно популярной в СССР песни в исполнении группы «The Peanuts», которую продолжают петь и в наши дни.

И тем не менее следует признать, что японское кино долгие годы все-таки оставалось «камерным направлением для узкого круга любителей» [Стоногина 2004, с. 239]. Среди десятков звездных имен японских кинематографистов вряд ли кто-то из наших зрителей мог назвать иную фамилию, нежели Куросава Акира или в лучшем случае его любимого актера Мифунэ Тосиро, долгие годы работавшего с ним, как говорится, «в одной упряжке». Как отмечал известный киновед Н. Клейман в частной беседе: «Было представление, что Куросава – одинокий гений: как гора Фудзи – также стоит Куросава, а больше никого и нет. Мы никогда не знали даже имен Идзикава

(Исикава. – Е. К.) или Кобаяси. Не только простые зрители – и специалисты не знали. Все поменялось только в 1980-е годы, в перестройку» [Там же, с. 240].

«Первой ласточкой» грядущих перемен стала Курихара Комаки, быстро ставшая самой популярной японской актрисой в СССР и в какой-то момент потеснившая даже Куросаву в пристрастиях советских людей. Впервые она посетила Москву в 1973 г., где на восьмом Московском международном кинофестивале был представлен фильм с ее участием «Ресторан Синобугава» («*Синобугава*», 1972 г.). Это была очередная мелодрама, рассказывающая о жизни двух глубоко несчастных молодых людей, обреченных никогда не быть вместе. Он – студент, весь в предчувствии скорой смерти из-за генетической болезни, унесшей из жизни еще в молодые годы почти всех членов его семьи. А она – официантка, работает в ресторане и тоже страдает от воспоминаний о своем тяжелом детстве. Из-за постоянной нужды и других трудных жизненных обстоятельств она вынуждена жить с нелюбимым, но хорошо обеспеченным человеком. Картина была снята режиссером-классиком японского кино Кумаи Кэй по повести писателя Миуры Тэцуо «Река терпения» («*Синобугава*», 1960 г.), переведенной нашим выдающимся японоведом Т. П. Григорьевой, и стала лауреатом престижнейших японских кинопремий. А исполнительница главной роли Курихара была признана в Японии лучшей актрисой года. Поэтому нет ничего удивительного в том, что фильм сразу же попал в число номинантов на главный приз за лучшую режиссуру на МКФ.

В конечном итоге Москва тогда так и не порадовала японских кинематографистов наградами, зато наполнила их души незабываемыми впечатлениями о столице, советских людях. Курихара впервые увидела своими глазами и Красную площадь, и башни московских высоток, и переулки старого Арбата, хорошо знакомые ей по видовым открыткам, и конечно же, главную свою мечту – Большой театр, на сцене которого она в своем воображении столько раз танцевала и Одетту, и Одилию. И именно тогда у молодой актрисы возникла идея создать фильм о японской девушке из Хиросимы, приехавшей учиться в СССР. Своей мечтой она сразу же поделилась с коллегами из крупнейшей кинокомпании «Тозэй». И дело закрутилось. Почти сразу же родилось название будущей картины – «Москва, любовь моя» («*Мосукува вага аи*», 1974 г.). А дальше эту идею подхватили

и развили советские сценаристы – известный драматург Эдвард Радзинский и Александр Митта, ставший режиссером картины в содружестве со своим японским коллегой Ёсида Кэндзи. Причем сценарий писали специально под Курихару.

Как и сама актриса, героиня ленты родилась в 1945 г. и с детства мечтала о балете. Но дальше сюжет обрастал новыми поворотными моментами, связанными с появлением русского возлюбленного молодой японки – скульптора Володи, на роль которого идеально подошел голубоглазый красавец Олег Видов, и пробуждающимися в них чувствами чистой романтической любви, над которой нависла трагическая тень Хиросимы. А второй главный лейтмотив картины – это Москва во всем ее великолепии, которую открывает для себя героиня во время прогулок с любимым, а вместе с ней и мы.

Еще одна важная художественная деталь фильма – это сцены из прославленных балетов, которые исполняла сама актриса на сцене Большого театра. Конечно, ей стоило огромного труда восстановить свою некогда отличную балетную форму, но рядом с ней вновь был ее любимый учитель Варламов, который вселял в нее уверенность и помогал овладеть мастерством. А параллельно с этим Курихара не покладая рук учила русский язык, даже в мыслях не допуская возможность озвучки своих реплик другой актрисой, что не раз предлагали ей. В итоге она справилась и с этой непростой задачей и стала неплохо говорить по-русски. Митта впоследствии не раз вспоминал, как все поражались тогда трудолюбием и работоспособностью актрисы, проводящей за занятиями и репетициями по 14 часов в сутки.

Съемки шли полным ходом, фильм постепенно подходил к своему трагическому финалу, когда все прекрасное – и мечты, и надежды, и личное счастье героев – разрушает неизлечимая болезнь девушки, лейкемия, последствие атомного взрыва над Хиросимой, от которого пострадала ее мать. И тут уже не в первый раз в творчестве актрисы включается трагическая тема любви и смерти, которая никогда и никогда не может оставить равнодушным. К сожалению, на этой печальной ноте фильм заканчивается, но оставляет после просмотра добрые и светлые воспоминания о красивой, грустной и целомудренной истории любви, не знающей государственных границ.

Важно отметить, что вначале картина имела коммерческие цели и была ориентирована на массового японского зрителя. И ее создатели, сделав все для этого, в полной мере достигли своей цели:

японские кинозалы с большим восторгом рукоплескали и своей прекрасной соотечественнице, и всем создателям фильма. Но и в Советском Союзе ленту ждал не меньший успех: ее посмотрели тогда более 30 млн человек. И для большей части из них Курихара стала тем человеком, благодаря кому они в середине 1970-х гг. узнали много нового о культуре и народе Страны восходящего солнца, которая долгие годы оставалась для них чем-то загадочным и неизвестным. Одним словом, «Москва, любовь моя» стала абсолютным хитом как в СССР, так и в Японии, сделавшим Курихару звездой не только японского, но и советского экрана.

Продолжение творческих контактов с советскими кинематографистами

Но триумф Курихары в 1974 г. не ограничился только этой работой. В том же году у себя на родине она снялась еще в одном фильме Кумаи Кэя, ставшим этапным моментом в ее творчестве. Это военно-историческая драма «Публичный дом № 8» («*Сандакан Хатибан сёкан бонкё*»), демонстрировавшаяся у нас под названием «Тоска по родине». Фильм был отмечен двумя премиями Берлинского кинофестиваля и даже номинирован на «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке, а также получил престижные японские награды. Все это работало на популярность актрисы не только у себя в стране, но и за рубежом, в том числе в СССР. На Курихару посыпались предложения о съемках не только от японских, но и от советских режиссеров, среди которых право первенства буквально завоевал молодой и талантливый кинематографист Сергей Соловьев, а его японскими партнерами стали режиссер Нисимура Киёси и кинокомпания «Тохо». Речь идет о фильме с поэтическим названием «Мелодии белой ночи» («*Бякуя-но сирабэ*», 1976 г.), рассказывающем о любви и несостоявшемся человеческом счастье двух героев – японской пианистки (Курихара Комаки), приехавшей в Ленинград, чтобы полностью погрузиться в мир столь любимой ею русской культуры, и талантливого русского композитора (Юрий Соломин), так и не посмеявшего переступить через свои моральные принципы.

По своей теме, жанру, сюжету, обилию музыки и по многим другим моментам этот фильм во многом напоминал ленту Митты. Здесь также присутствуют отзвуки трагедии Хиросимы, жертвой которой

на сей раз стал муж героини, и постоянное соприкосновение событий с миром русской культуры. В фильме каждый кадр буквально берет за живое – и волшебные белые ночи, и огромные гроздья майской сирени в каплях дождя, и туман над Финским заливом, и старинная деревянная дача как напоминание о прежней жизни, и удивительные по красоте архитектурные шедевры Ленинграда, и завораживающие виды Киото. А еще – потрясающая по своей эмоциональности музыка композитора Исаака Шварца, передающая муки и радости любви, сомнений и душевных метаний героев, которые так и не позволили себе навсегда остаться вместе. Так что фильм в итоге получился, талантливым, чрезвычайно красивым и очень трогательным, хоть и не совсем «соловьевским», как заметили тогда некоторые критики, привыкшие к любви С. Соловьева к различным необычным экспериментам и его неумейной фантазии.

Да и сам режиссер признавался впоследствии, что на сей раз ему так и не удалось воплотить в жизнь все свои задумки, а их было много. Помешали строгие регламентации, в том числе финансовые, которых педантично заставляла придерживаться японская сторона. Но на это мало кто тогда обратил внимание. Точно так же мало кто задумывался тогда еще над одной загадкой – резко возросшей популярностью советско-японских совместных фильмов в 1970-е гг. А секрет был прост. И его также раскрыл сам автор фильма в одном из своих интервью: «Решение о съемках картины было принято в начале 1970-х гг. Надо понимать, что после недолгой оттепели снова наступит зима, и мир, в том числе Япония, уже были охвачены антисоветской волной. И вот тогда появилась новая идея, суть которой сводилась к следующему: “Не надо углубляться в политические дискуссии, надо заняться налаживанием общественных и культурных связей, просто человеческого общения”. Мы – те, кто эту точку поддерживал, исходили из простой и ясной логики – все люди на Земле одинаковы. Небо для всех едино, солнце светит всем, и нет никаких изначально неразрешимых и страшных противоречий между нами, нет и не может быть. Сейчас это звучит довольно наивно, но тогда это было живым и полезным делом, давшим начало многим мощным инициативам»³.

Примечательно, что по годам выхода советско-японских совместных фильмов можно проследить чуть ли не все основные этапы

³ Вокруг ТВ: https://www.vokrug.tv/product/show/melodii_beloi_nochi/

развития отношений между нашими странами. 1970-е гг. совпали с периодом рязрядки международной напряженности. И Курихара стала олицетворением этого времени, как и совместные фильмы с ее участием. Казалось, что теперь она уже обеспечила себе постоянную «прописку» в советском кинематографе. Ее часто приглашали на крупные кинофестивали в качестве то почетной гостьи, то члена жюри, на открытие выставок или просто на мероприятия, связанные с Японией. Так, в 2006 г. она возглавила жюри четвертого Международного фестиваля кинематографических дебютов «Дух огня» в Ханты-Мансийске, на котором была отмечена премией «Золотая тайга» за вклад в киноискусство. В 2013 г. на девятом Международном кинофестивале стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Меридианы Тихого» во Владивостоке Курихара получила специальный приз Губернатора Приморского края.

Во время одного из таких приездов Курихару Комаки по дороге буквально перехватил на несколько часов ее старинный друг – режиссер А. Митта. Узнав о том, что его любимая японская актриса будет проездом в Москве, он сразу же придумал для нее маленькую роль в своем фильме «Экипаж» (1979 г.), съемки которого как раз в это время были в полном разгаре. В этой картине советские летчики в иностранном аэропорту наблюдают за драмой вокруг захвата лайнера террористами. Одна из пассажирок выносит ребенка, отдает его спасателям, после чего возвращается на борт, где остался ее муж. У сегодняшних российских зрительниц этот эпизод вряд ли всплывет в памяти, впрочем, и сам этот замечательный фильм во многом подзабылся по прошествии стольких лет. Да и куда большей популярностью пользуется в наши дни его римейк, снятый режиссером Н. Лебедевым с использованием достижений современных технологий. Тогда же, в 1979 г., фильм Митты, ставший первой советской лентой в жанре фильма катастроф, вызвал бурю человеческих переживаний, в том числе благодаря эпизоду, где небольшую роль заложницы неожиданно для всех сыграла Курихара Комаки – любимица советской публики. Причем сыграла совершенно бесплатно. Это был ее подарок советским друзьям, которых, по словам актрисы, она приобрела много, особенно среди наших деятелей кино во время съемок в СССР и участия в российских фестивалях. В их числе были Владимир Высоцкий, Олег Табаков и др., а параллельно с этим Курихара также снималась в фильмах с участием немецких,

британских и китайских кинематографистов. Всего она сыграла более тридцати ролей.

После необычной истории со съемками фильма «Экипаж» прошло почти десять лет, и вот однажды утром Комаки получает долгожданный вызов на очередные съемки, и опять от А. Митты, который тогда приступал к работе над картиной «Шаг» (1988 г.), события которой происходили в Японии в 1959 г. Она рассказывала об эпидемии полиомиелита в этой стране и о том, как для спасения японских детей была применена советская вакцина. Комаки досталась роль японки, которая, потеряв одного сына, едет в СССР, чтобы любой ценой добыть вакцину для второго. Помочь ей пытается доктор Сергей Гусев (актер Леонид Филатов). Для достижения своей непростой цели этим людям приходится пробиваться через политические преграды, бюрократию и равнодушные чиновников обеих стран. Накал эмоций в фильме запредельный... Но в России подобные темы уже были неинтересны широкой публике. Шел 1988 г., многое изменивший в нашей стране. Теперь котирировалось больше всего то, что долгие годы было под запретом, – боевики, эротика и т. п. Так что серьезная и важная картина Митты не получила тогда должного внимания со стороны зрителей и вполне заслуженных наград со стороны профессионалов. А потом началась Перестройка, повлекшая за собой и кризисные явления в советском кино.

Возвращение в театр

Тем временем и сама Курихара стала все больше отходить от кинематографа, и от японского тоже, сосредоточив все свое внимание на театре. В разные годы на сцене «Хайюдза» она была задействована в пьесах Шекспира, Шиллера, Шоу, Чехова, Горького и др. Здесь она сыграла таких героинь, как Джуьетта, Дездемона, леди Макбет, Мария Стюарт, Элиза Дулитл, Нина Заречная, Раневская, Васса Железнова и др.

Одновременно с этим, пользуясь своими широкими связями в театральных кругах Москвы, она стала приглашать для постановок на японских площадках самых известных режиссеров и актеров, среди которых были А. Эфрос, С. Юрский, О. Табаков и др. Настоящей легендой театральной истории стала ее Раневская в спектакле «Вишневый сад», который поставил в Токио в 1981 г. на сцене театра

«Тоэн» Анатолий Эфрос. Позже в одном из интервью Эфрос назвал Комаки «звездой, которую любят все в Японии», но которая «совершенно не избалована». По его словам, она обладает «особой внутренней грацией, тактом, вкусом и умом»⁴. В 1986 г. Курихара работала с Сергеем Юрским, который поставил в «Хайюдза» спектакль по пьесе С. Алешина «Тема с вариациями» о сложных отношениях между двумя мужчинами и женщиной. В театре Моссовета в Москве этот спектакль был специально поставлен для Р. Плятта и М. Тереховой, а здесь в главной роли выступила Курихара, а сама пьеса здесь стала называться «О любви».

В последние несколько лет в Японии все активнее говорят о закрытии театра «Хайюдза» из-за плохого состояния его помещений и отсутствия средств на ремонт. Не исключая, что основная причина кроется в другом – в политике отмены русского искусства, которое всегда составляло основу репертуарной политики его труппы. Но тогда, когда современная советская драматургия еще приветствовалась в этой стране, Курихара прямо заявила на одной из репетиций: «Наше обращение к советской драматургии отражает возрастающий интерес в Японии к советской культуре вообще. Ближе узнать, глубже понять друг друга – это можно поставить эпиграфом к будущей премьере»⁵.

Следуя этой своей философии, в середине 2000-х гг. Курихара, словно предвидя нынешние смутные времена, вместе со своим младшим братом создает собственный театр антрепризы, в котором показывают в основном русскую классику и прежде всего ею столь любимого Чехова, а также советскую драматургию и особенно те спектакли, что с особым успехом идут в российских театрах. И здесь она взяла на себя все возможные и невозможные функции вплоть до художника по костюмам, в чем также проявила большой талант. Конечно же, за репертуар тоже отвечает она. Один из громких проектов театра последних лет – новый спектакль по пьесе «Вишневый сад» в постановке ее брата (2017 г.). В нем актриса вновь сыграла Раневскую.

Ее труппа с русским репертуаром исколесила всю Японию, и везде японских артистов ждал большой успех, который во многом был

⁴ ИТАР ТАСС: <https://tass.ru/encyclopedia/person/kurihara-komaki>

⁵ Агафонов С. Вечная тема понятна всем. *Известия*. 17.01.1996: <https://sergeyursky.memorial/%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0-%D0%B2-%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D0%BE/>

объясним огромной популярностью у себя в стране самой Курихары. Так случилось, что даже я, работая в те годы в Японии в маленьком городке Цуруока, что в префектуре Ямагата, однажды оказалась на одном из таких спектаклей, проходивших в местном доме культуры. А потом по обыкновению был небольшой фуршет, на котором мы с Комаки снова встретились впервые за много лет, и я узнала много нового о ее жизни.

А ее жизнь уже тогда была расписана буквально по минутам, ведь вместе с напряженной гастрольной деятельностью на протяжении многих лет Комаки вела большую общественную работу. Она до сих пор является Послом доброй воли ЮНЕСКО по делам детей, занимаясь программами помощи детям Юго-Восточной Азии; входит в руководство Японо-китайской ассоциации культурного обмена, время от времени посещая Китай с миссией доброй воли. Но конечно же, основное поле ее деятельности – это движение за дружбу и культурные обмены с нашей страной. Не зря ее порой величают «культурным послом» Японии в России или России в Японии – с какой стороны посмотреть. Ведь какие бы ветра не дули в политике, Курихара Комаки никогда не предавала свою любовь к России и к друзьям, находившимся здесь, как и не отказывалась от русской культуры. Ее любят и высоко чтят в нашей стране.

Как в Москве отмечали 30-летие фильма «Москва, любовь моя»

В этом мне довелось убедиться в начале сентября 2004 г., когда известный русский танцовщик Андрис Лиепа при поддержке созданного им международного фонда Мариса Лиепы готовился отпраздновать в Москве 30-летие легендарного фильма о Москве, пригласив на торжество главных его героев – Курихару Комаки и Олега Видова, который уже тогда жил и работал в США. Она ответила согласием, он – отказом, сославшись на какие-то сложные обстоятельства. И этим, конечно же, всех огорчил, особенно Комаки. Она же обещала приехать и сдержала слово.

Я встречала ее тогда в еще старом международном аэропорту Шереметьево–2, и, признаюсь, не сразу узнала в большом потоке приехавших в Москву японцев – худая, слегка постаревшая, усталая, в черных очках и с волосами, спрятанными под берет, что защищало ее

от любопытных глаз. Из Шереметьево мы отправились прямо в гостиницу «Метрополь», и по дороге Комаки буквально оживала и молодела на глазах, любуясь из окна машины так хорошо знакомыми ей пейзажами. А потом, немного отдохнув, она решила прогуляться по Москве, сразу же направившись к своему любимому Большому театру. Завидев японскую знаменитость, москвичи махали ей рукой, посылали воздушные поцелуи, а те, кто был за рулем, громко приветствовали протяжными гудками.

Большой театр должен был открыть свои двери ровно через день большим гала-концертом с участием российских и японских артистов по случаю юбилея легендарной картины, а заодно планировали отметить и долгожданную встречу с любимой актрисой, и очередную годовщину Москвы в преддверии дня города. Но накануне случилась трагедия в Беслане, в связи с чем в стране был объявлен траур, и организаторы мероприятия до последнего момента не знали, состоится ли намеченное празднование в эти траурные дни. В конечном итоге только трагический финал фильма уберег гала-концерт от отмены, но у всех выступавших тогда с приветствиями на лицах была неподдельная печаль, говорить было трудно. И все ждали Курихару, и она эффектно появилась на сцене как бы прямо «из фильма» и произнесла искреннюю речь, в которой наряду с Чеховым и Достоевским упоминались бесланские события. Говоря о Беслане, Комаки искренне разрыдалась. На этом закончилась торжественная часть, и после перерыва на сцене царил классический балет.

Все было красиво, достойно и искренне. Было много цветов. И центром этого праздничного действа оказалась смущенная и растроганная Курихара, буквально не успевавшая отвечать на все приветствия и объятия. Каждый хотел не только пожать ей руку, но и пригласить на дружеский ужин, показать новый спектакль или просто поболтать в непринужденной обстановке.

Удачливее всех, как всегда, оказался С. Соловьев, который буквально выкрал нашу гостью и взял под свою опеку на целых два дня. И это было прекрасное время с обильной русской трапезой на даче, веселыми шутками и буквально непрерываемыми искрометными рассказами за столом, на что был способен, наверное, только Сергей Александрович. Все это напоминало атмосферу чеховских пьес: и прекрасный фруктовый сад, и старинная посуда, и настоящий дореволюционный клавесин. Но все это приятное времяпрепровождение неожиданно,

а может быть, вполне логично, подвело нас к обсуждению очень важной и серьезной темы. Соловьев намеревался вновь снимать Курихару в своем кино и даже придумал для этого захватывающий сюжет, а вернее, отыскал для этого подлинную историю, которая долгие годы оставалась под грифом «секретно».

Еще одна трагическая история любви

Речь шла о звезде японского экрана 1920-х – 1930-х гг. Окада Ёсико и ее печальной любовной истории, связанной с японским литератором Сугимото Рёкити – переводчиком романа Н. Островского «Как закалялась сталь» и других произведений советской литературы на японский язык. Он был коммунистом и много рассказывал своей любимой о счастливой жизни в Советском Союзе, куда они решили вместе бежать, оказавшись 3 января 1938 г. вблизи государственной границы, разделявшей южную и северную части Сахалина. Конечно же, эта поездка была специально инициирована актрисой под видом новогодних гастролей с концертами для расквартированных там частей японской армии. Наивные люди, они стремились в Москву и мечтали увидеться со Сталиным и поработать вместе с Мейерхольдом. Но своим побегом они лишь дали еще один серьезный повод для обвинения прославленного мастера в шпионаже в пользу Японии, которое уже готовилось против него органами НКВД. В итоге – расстрел. И та же участь после года допросов и пыток ждала ее возлюбленного. Ну а сама Окада на десять долгих лет была отправлена в сталинский Вятлаг. Однако это всего лишь первая и самая трагическая часть ее истории.

Вторая часть была куда более жизнеутверждающей: работа диктором на «Голосе России» Всесоюзного радио, учеба в ГИТИСе (класс Н. Охлопкова), который она окончила в возрасте 57 лет, после этого служба в театре им. Маяковского в качестве актрисы, а затем и режиссера, съемки совместного советско-японского фильма «До свидания, мальчики!», и наконец, ведение первых телемостов между Москвой и Токио в годы Перестройки, когда актрисе уже исполнилось 74 года. Правда, и это еще не все. Оказавшись на родине после долгого забвения, актриса успела сняться сразу в нескольких фильмах, заставивших вновь заговорить о ней в Японии. Но она предпочла вернуться в Москву.

Мне посчастливилось однажды встретиться с этой легендарной женщиной на Московском кинофестивале. Тогда я практически не знала ничего о ней, только то что это – в прошлом известная актриса. Меня привлекло ее лицо, спокойное, еще красивое, с явным чувством достоинства, аристократизма, а еще буквально удивило, как просто она была одета – скромная кофточка с юбкой и легкий газовый платочек на голове, повязанный на манер наших бабушек. Сидя рядом с ней на балконе уже несуществующего сейчас зала «Зарядье», мы смотрели внеконкурсную картину о японском мире кино 1920-х гг. Сюжет ленты был во многом списан с ее звездной жизни. Нетрудно представить себе что творилось в душе этой бывшей знаменитости, но она ничем не выдала своих чувств и не проронила ни слова. А уж ей было о чем рассказать, ведь ее судьба – это поистине головокружительная смесь искусства и политики, личных драм и мировых трагедий, будто хорошо выстроенная сценаристом в захватывающий сюжет.

А теперь после разговора с Соловьевым я смотрела на Комаки и понимала, как она идеально подходила для этой роли, несмотря на то что никогда ничего подобного пока еще не было в ее обширной фильмографии. И дело здесь не в прекрасных внешних данных актрисы – ее изяществе и тонкой восточной красоте, но и в прочном внутреннем стержне, что помогал и помогает ей по сей день преодолевать все те непростые обстоятельства, которые постоянно подбрасывает ей судьба. Она и сама понимала это и буквально горела желанием как можно скорее приступить к съемкам картины. Но у С. Соловьева на тот момент еще оставался незаконченным многосерийный фильм «Анна Каренина» с Татьяной Друбич в главной роли, работе над которым он посвятил многие годы своей жизни. Так что надо было ждать. И это ожидание в силу разных обстоятельств буквально превратилось в вечность, пока не прервалось неожиданной смертью режиссера в 2021 г. Для Курихары, конечно, это было огромным ударом.

Культура выше политики

А на следующий год ее ждало еще одно серьезное испытание. На волне мощного движения за отмену русской культуры, охватившего ведущие страны мира в связи с началом СВО, под угрозой закрытия

властями Японии оказался Фестиваль российской культуры, бесменным заместителем председателя оргкомитета которого, а по-существу его «основным мотором», являлась Курихара с первого дня его создания в 2006 г. Это было то, к чему она, собственно, и стремилась многие годы, ведь теперь японская аудитория получила возможность ежегодно знакомиться с российским театром, музыкой, цирком и другим искусством. И японцы уже начали привыкать к тому, что в начале очередного русского сезона они могут познакомиться с музыкальными шедеврами русского искусства, а в канун Нового года – насладиться прославленными балетами «Лебединое озеро» или «Щелкунчик» в исполнении ведущих солистов российских театров. И все, как казалось, развивалось по восходящей, но тут наступают трудные времена: происходит смена политического курса японского руководства и, более того, неожиданно трагически погибает бывший премьер Абэ Синдзо, взявший на себя обязанности лидера оргкомитета фестиваля в 2020 г.

Дело в том, что по сложившейся традиции, одобренной официальным Токио, оргкомитет всегда возглавлял один из бывших премьеров японского правительства – политических тяжеловесов, первым из которых стал Мори Ёсиро. И сам этот факт свидетельствовал о том, какое значение в Японии придавали широкой манифестации русской культуры. За прошедшие годы фестиваль охватил все 47 японских префектур, в его рамках выступило свыше 11 тыс. российских артистов, а зрительская аудитория на сегодняшний день уже превысила 23 млн. человек⁶.

В том, что фестиваль и сегодня по-прежнему успешно проводится, главная заслуга принадлежит Курихаре, которая в самый трудный и ответственный момент взяла на себя руководство этим сложным, но так необходимым народам двух стран проектом. Многие причастные к этим событиям деятели культуры признают, что она просто спасла его, поскольку именно этот ее шаг помог сохранить фестиваль. Как и планировалось, его очередной 17-й сезон открылся 29 августа 2022 г. А накануне Курихара и ее соратники обратились к японской и мировой общественности, деятелям культуры, политикам с открытым письмом, выступив за отмену

⁶ Фестиваль российской культуры в Японии с 2006 г. посетили 23 млн. человек. ИТАР ТАСС. 28.07.2023: <https://tass.ru/kultura/18388313>

отмены русской культуры и открыто заявив о том, что культура выше политики⁷. И надо сказать, на этот призыв откликнулись во многих странах.

В одном из интервью прошлого года перед открытием 19-го праздника русской культуры Курихара так обозначила свою позицию: «Каждый год замечательные артисты из России поражают японскую публику своим глубоким артистизмом. Я считаю, что важно продолжать проводить фестиваль, не слишком беспокоясь о масштабе проекта. Я также верю, что людям нужно искусство в трудные времена». И далее: «Музыка, балет, кино, театр: уважение японцев к русскому искусству остается неизменным, какова бы ни была ситуация. Для того, чтобы россияне поверили в нас у нас нет другого выбора, кроме, как верить в себя, что мы дружелюбны и сильны, что мы можем влиять на японские СМИ»⁸.

И действительно, оргкомитет представил в тот год чуть ли не самую интересную и насыщенную программу. Каждый год фестиваль приурочен к какому-нибудь очередному важному событию в русской культуре. В 2024 г. выступления артистов были посвящены юбилеям сразу трех деятелей русской культуры: А. С. Пушкина, М. П. Мусоргского и Н. А. Римского-Корсакова. Их произведения прозвучали со сцены во время церемонии открытия в исполнении русских и японских артистов, а потом исполнялись в течение всего года на специально посвященных им концертах. В конце мая в рамках фестиваля состоялись гастроли труппы МХТ им. А. П. Чехова, приуроченные к 125-летию тетра и 120-летию со дня смерти Чехова. Они познакомили японских зрителей со знаменитой постановкой повести «Дуэль». А вслед за этим началось празднование в Японии 100-летия киностудии «Мосфильм», в связи с чем японцы узнали много нового о российском кино.

В этом году фестиваль выглядит и вовсе особенным. Это его 20-й по счету юбилейный сезон, его открытие совпало с юбилеем Курихары Комаки, которая в этом году выступила уже в качестве председателя оргкомитета с японской стороны. И время для этого было

⁷ Швыдкой М. (2022). Отмена отмены: культура выше политики, считают знаменитые японцы накануне 17-го Фестиваля российской культуры. *RGRU* 14.06.2022: <https://rg.ru/2022/06/14/otmena-otmeny.html>

⁸ Актриса Курихара считает важным сохранить фестиваль культуры РФ в Японии в любом масштабе. *ИТАР ТАСС*. 22.04.2024.: <https://tass.ru/kultura/20610689>

выбрано самое красивое: начало цветения сакуры. И это не может не вселять самых светлых и радужных надежд на то, что «культура победит хаос мира»⁹. Эти слова взяты из интервью Михаила Швыдкого – сопредседателя оргкомитета фестиваля с российской стороны. Ему же принадлежит и следующая мысль: «Фестиваль русской культуры, так же как и Японская осень в России, были символом сохранения гуманитарных связей, необходимость в которых острее всего ощущалась в пору осложнения политических контактов»¹⁰.

К большому сожалению, в наши дни российско-японские отношения близки к градусу замерзания, но остается надежда, что культура станет основой для их возрождения. Во всяком случае, так уже не однажды случалось в нашей совместной истории.

Вместо заключения

В этом году Курихара Комаки исполнилось 80 лет. И тут невольно приходит на память известная реплика К. С. Станиславского: «Не верю!», которая, думаю, необычайно уместна в данном случае. Разговор о возрасте никак не касается этой моложавой и по-прежнему обаятельной женщины, находящейся в прекрасной форме и полной творческих сил. В 2009 г. актриса была награждена российским Орденом Дружбы «за большой вклад в развитие дружественных отношений и укрепление культурных связей между Российской Федерацией и Японией». Боюсь ошибиться, но, по-моему, она – единственная женщина среди японских обладателей этой высокой российской награды и, безусловно, заслужила ее за все, что она сделала для наших народов в те годы. Ну а сегодня слова президентского указа приобретают особый смысл в связи с той самоотверженной работой, которую проводит Курихара по продвижению русской культуры в Японии в исключительно сложных условиях, когда культурные связи стали чуть ли не единственным каналом нашего двустороннего общения.

⁹ Швыдкой М. (2025). История XX века не раз доказывала, что культура не предохраняет целые народы от погружения в бездну варварства. *ПСМД*. 22.04.2025: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/istoriya-khkh-veka-ne-raz-dokazyvala-chto-kultura-ne-predokhranyaet-tselye-narody-ot-pogruzheniya-v-/?sphrase_id=219518443

¹⁰ Швыдкой М. (2022). Отмена отмены...: <https://rg.ru/2022/06/14/otmena-otmeny.html>

А что с ее творчеством? – спросите вы и, наверное, удивитесь тому, что ее театр продолжает работать, что она по-прежнему выходит на сцену и сама ставит спектакли. Одной из последних ее работ стала инсценировка романа Л. Н.Толстого «Анна Каренина», и главная роль, конечно же, принадлежит ей. А другой ее любимый моноспектакль посвящен Эдит Пиаф. Вот уже несколько лет актриса выходит на сцену, повествуя о нелегкой судьбе легенды французской песни. Осенью этого года вся ее труппа планирует вновь отправиться на гастроли по району Тохоку. И, наверное, опять они заедут в столь близкий моему сердцу город Цуруока, где мы с ней когда-то случайно встретились. Так что творческая жизнь Комаки не останавливается ни на минуту.

Последний раз мы с ней виделись в конце сентября этого года. А когда я уже приступила к написанию этой статьи, не стало выдающегося российского режиссера А. Митты – большого друга и, можно сказать, творческого соратника Курихары, который снял ее в трех своих фильмах. И я подумала, что, наверное, об этом надо поскорее сообщить Комаки, но потом долго не решалась на это, боясь огорчить ее столь нерадостным известием. И все-таки, по моей просьбе, наш общий знакомый, находящийся сейчас в Токио, дозвонился до нее и сразу понял, что она уже знала о случившемся. Российские журналисты целый день звонили ей из Москвы с просьбами об интервью по этому печальному поводу. И она с душевной болью и грустью отвечала на их вопросы, все больше погружаясь в ту удивительную атмосферу 1970-х гг., когда снимался фильм «Москва, любовь моя». Этому замечательному фильму в прошлом году исполнилось уже полвека.

Сегодня Курихара Комаки уже не столь частый гость нашей столицы, но всегда желанный. И она по-прежнему любит Москву, которая подарила ей так много добрых друзей и встречу с русской культурой, которая всегда ассоциируется у нее с самой Россией.

Библиографический список

Катасонова Е. Л. (2020). *Новое японское кино. В споре с классикой экрана*. – Москва: ИВ РАН.

Стоногина Ю. Б. (2004). Культурные связи России и Японии в постсоветский период. *Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии*. – Москва: ИВ РАН. С. 236–256.

References

Katasonova, E. L. (2020). *Novoe yaponskoe kino: v spore s klassikoi ekrana* [New Japanese Cinema: In Dispute With Classics of the Screen]. Moscow: Insitiute of Oriental Studies, RAS. (In Russian).

Stonogina, Yu. B. (2004). Kul'turnyye svyazi Rossii i Yaponii v postsovetiskii period [Cultural Ties Between Russia and Japan in the Post-Soviet Period]. In *Rossiya i Yaponiya: sosedii v novom tysyacheletii* [Russia and Japan: Neighbors in the New Millennium] (pp. 236–256). Moscow: Insitiute of Oriental Studies, RAS. (In Russian).